

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПУШКИНОГОРЬЯ

Выпуск 6

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Санкт-Петербург
2000

Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина
“Михайловское”

Санкт-Петербургский Государственный университет
культуры и искусств. Кафедра музееведения

Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПУШКИНОГОРЬЯ

Выпуск 6

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Учебное пособие для студентов 2–3 курса
специальности “Музейное дело и
охрана памятников истории и культуры”

Санкт-Петербург
2000

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Белецкий (составитель)

Г. Н. Василевич

А. И. Голышев

Оригинал-макет: Л. Б. Кирчо

С. В. Белецкий

**Печатается при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы
"ИНТЕГРАЦИЯ" (проект № К-0389)**

© ИИМК РАН, 2000

ISBN 5-201-01210-8 (6)

От составителя

Шестой выпуск в серии учебных пособий для студентов-музеевдов “Далекое прошлое Пушкиногорья” не совсем обычный: он посвящен песенному фольклору археологических экспедиций. Этот сборник был задуман еще в 1998 г., когда Псковская областная экспедиция ИИМК при финансовой поддержке ФЦП “Интеграция” только возобновила работы в Пушкинском заповеднике. И все эти три года я постоянно задавался одним и тем же вопросом: нужно ли такое пособие будущим музейщикам?

Решусь ответить на поставленный вопрос утвердительно. Музей — средоточие памятников материальной и духовной культуры. Функции музея сводятся к четырем основным: собрать, сохранить, изучить и показать подлинные реалии различных эпох и народов.

Песни — визитные карточки своего времени ¹, так что они, безусловно, являются важнейшими памятниками истории и культуры. В этом качестве являются объектами изучения такие памятники фольклора, как исторические песни и баллады ². И именно в этом качестве песни могут стать объектами музеефикации. Попросту говоря, песни можно *сбирать, сохранять, изучать и показывать*.

Сказанное безусловно относится к фольклоризованным “самодеятельным” (“дворовым”, “уличным”, “экспедиционным”, “авторским”) песням XX в., музейная значимость которых сродни музейной значимости литературных и этнографических памятников.

¹ Говоря об авторской песне 50-х и 60-х годов Ю. И. Визбор справедливо отмечал: “Мы говорим, что время делает песни. Это верно. Но и сами песни чуть-чуть делают время” (Визбор Ю. М. Верю в семиструнную гитару. М., 1994, с. 364).

² Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подготов. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М. — Л., 1960; Исторические песни XVII века. Изд. подготов. О. Б. Алексеева и др. М. — Л., 1966; Исторические песни XVIII века. Изд. подготов. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971; Исторические песни XIX века. Изд. подготов. Л. В. Добровольский и др. Л., 1973; Исторические песни. Баллады. Сост. С. Н. Азбелев. М., 1991; Народні пісні в записах Івана Франка. Київ, 1981; Народні пісні в записах Осипа Маковця. Київ, 1981; Русская баллада. Под ред. В. И. Чернышева. Л., 1936; Народные баллады. Подготов. Д. М. Балашова. М. — Л., 1963; Русские народные баллады. Подготов. Д. М. Балашова. М., 1983; и др.

Превращение самодетельной песни в объект музеефикации затруднено спецификой памятников. Теоретически ясна процедура *собираия*: необходима письменная фиксация текстов, нотирование мелодий, аудио- и видеофиксация исполнения. Отмечу, что в последнее десятилетие фиксация песенного фольклора второй половины XX в. хотя и избирательно, но проводится — это и публикации сборников песен, и пластинки авторских песен, и магнитоальбомы, а в последнее время также CD. Разумеется, свои трудности, связанные со сбором сохранившихся старых письменных и магнитофонных записей, а также иконографических источников (кино- и фотоматериалов) имеются, но они, в конечном счете, преодолимы, тем более, что публикация текстов уже началась³, хотя поисковые работы проводятся и не столь активно, как это, наверное, следовало бы⁴. Таким образом, наиболее актуальным остается продолжение целенаправленной фиксации песенного фольклора.

Процедура *сохранения* песни сложнее. Реально хранить в музейных фондах можно аудио- и нотные записи песен, тетради-песенники, фото-, кино- и видеоматериалы, фиксирующие исполнение песни, в том числе — авторское⁵. Превратившись в инвентарные номера музейной коллекции, все эти памятники истории и культуры своего времени, безусловно, сохранятся для потомков. Однако находящиеся в фондах музея источники по истории песен лишь в малой степени отражают то место, которое занимали сами песни в живой культуре⁶.

Наиболее адекватно, хотя и с неизбежной субъективностью, фиксируют роль песни в обществе воспоминания авторов, исполнителей и непосредственных слушателей: именно этот круг источников позволяет определять хронологию бытования песни в живой культуре, а для безымянных (“народных”) песен — иногда устанавливать автора. К сожалению

³ Напр.: “...Но мы еще не старики, мы инженеры физики”. Сборник песен. М., 1992; “В нашу гавань заходили корабли”. Песни. М., 1995; Как на Дерибасовской...: Песни дворов и улиц. Кн. 1 / Сост. Хмельницкий Б., Яесс Ю., СПб, 1996; Черный ворон: Песни дворов и улиц. Кн. 2 / Сост. Хмельницкий Б., Яесс Ю., СПб, 1996. Особо отмечу магнитоальбомы, издаваемые ТОО “Московские окна”.

⁴ В настоящее время, фактически, уже начало уходить из этой жизни поколение, певшее и создававшее песни в предвоенные и первые послевоенные годы, так что тексты и, что особенно важно, мелодии могут быть утрачены безвозвратно.

⁵ Именно так создавалось собрание А. и М. Левитанов, положенное в основу сборника “От костра к микрофону” (СПб, 1996).

⁶ Как, впрочем, и большинство предметов, хранящихся в музеях.

нию, число доступных источников такого рода сравнительно невелико, так что запись воспоминаний о песнях⁷ — одна из наиболее актуальных в настоящее время задач, связанных с проблемой музеефикации песенного фольклора.

Процедура изучения современного песенного фольклора может быть проведена с опорой на традиционные методики, разработанные в литературоведении и фольклористике. Правда, существуют различные точки зрения относительно того, какие из источников следует рассматривать в качестве фольклорных, однако включение современных “самодельных” (“авторских”) песен в число фольклорных источников представляется мне очевидным⁸, как очевидна фольклорная природа авторских частушек и анекдотов.

Наиболее трудная часть музеефикации песен — их показ. В отношении любого памятника истории и культуры основная задача музеефикации — дать полноценное представление о том месте, которое этот памятник занимал в живой культуре. В отношении песен достичь необходимого эффекта традиционными методами экспозиционной деятельности, на мой взгляд, невозможно по определению: в каком виде ни создавать музейную экспозицию, посвященную песне, впечатление от экспонатов не будет полноценным (даже от аудио- и видеоряда), поскольку при построении традиционной экспозиции неизбежно отсутствует важнейшая составляющая восприятия — сопричастность действию. Тем не менее, в арсенале современного музееведения имеются наработки, которые могут быть использованы на заключительном этапе процесса музеефикации песни. Речь идет об освоении музейной информации теми методами, которые предложены музейной педагогикой⁹. “Музей предоставляет широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для ... неформального межличностного общения”, — под-

⁷ Интереснейшие воспоминания авторов, исполнителей и слушателей авторской песни содержатся в уже упомянутом сборнике “От костра к микрофону”.

⁸ Показательно обоснование принципа отбора текстов, включенных в сборник “В нашу гавань заходили корабли”: “Иногда выяснялось, что у какой-нибудь песни есть автор и звучит она в подлиннике совсем не так... Но в таких случаях при публикации мы старались придерживаться все же народного варианта, особенно если народный вариант устоялся и пришел к нам в одном и том же виде из разных концов страны” (Успенский Э. [Предисловие] / В нашу гавань..., с. 5).

⁹ Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Музейная педагогика — область знаний и учебная дисциплина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 3. Музейная педагогика. СПб, 1998, с. 9—10.

черкивали Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница и Е. Е. Герасименко, называя в качестве возможных форм музейной деятельности встречи, посиделки и концерты ¹⁰. Именно такие формы музейной деятельности представляются мне оптимальным решением проблемы *показа* песни (в том числе — самодеятельной) в пространстве музея. Кстати говоря, подобный способ музеефикации этнографического песенного фольклора давно апробирован фольклорными ансамблями ¹¹ (не путать с эстрадными ансамблями “сувенирного стиля”).

Конечно, концертная программа, составленная из песенного фольклора — это наиболее естественный способ показа *песен*. Подобный (и, на мой взгляд, достаточно удачный) опыт музеефикации “дворовых” песен на протяжении ряда лет демонстрирует радио-, а в последние годы — телепередача “В нашу гавань заходили корабли” (ведущие Э. Н. Успенский и Э. Н. Филина), представляющая собой посиделки тусовочного типа с элементами концертной программы ¹². Считать, что эта передача в полном объеме музеефицирует памятники песенного фольклора второй половины XX в., не приходится: хотя проводится и *собрание* и *сохранение* песен, их *показ* явно преобладает над *изучением*. Впрочем, это осознается и самими авторами программы — составителями сборника “В нашу гавань заходили корабли: “Наш сборник не научный, он не имеет отношения к фольклористике ... Наша задача вернуть людям то, что у них было отобрано партийной официальной” ¹³.

В отношении песенного фольклора археологов главный (а во многом, пока и единственный) опыт *показа* песен — это экспедиционные “посиделки у костра”, во время которых происходит не только демонстрация самих памятников (“экспозиция”), но “знатоки” (“экскурсоводы”) подробно комментируют для “новичков” (“экскурсантов”) происхождение и судьбы ¹⁴ этих памятников. Решусь, поэтому, высказать неожиданный даже для меня самого вывод: в настоящее время археологические экспедиции являются функционирующими в естественных услови-

¹⁰ Там же.

¹¹ Например, великолепный эстонский фольклорный ансамбль “Леагус”, созданный этнографом и музыкантом И. Тынуристом.

¹² Любопытно, что одним из инициаторов и создателей этой передачи был ныне покойный Валсигин Берстов — писатель и поэт, но также и профессиональный археолог, некоторые песни которого, написанные еще в 50-е годы, до настоящего времени поются в археологических экспедициях.

¹³ Успенский Э. Предисловие / В нашу гавань..., с. 5.

¹⁴ Как реальные, так, зачастую, и легендарные.

ях музеями песенного фольклора, причем не только фольклора собственно археологического, но (с учетом песенного репертуара экспедиций) и значительно шире — песенного фольклора российской интеллигенции¹⁵, поскольку “посиделки у костра” в экспедициях являются, до известной степени, аналогом кухонных посиделок 60-х и 70-х годов, воспетых Юлием Кимом¹⁶.

Идея сбора и систематизации песен археологических экспедиций витала в воздухе на протяжении по крайней мере двух последних десятилетий. В 90-е годы она отчасти реализовалась в издании сборников экспедиционных песен¹⁷. Но попытки осмыслить феномен археологических песен до самого недавнего времени не предпринимались.

Кажется, первый опыт такого исследования относится к 1997 году, когда в сборнике “Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии”,

¹⁵ Предлагаемый вариант решения проблемы *показа* экспедиционных песен, казалось бы, оставляет открытым важнейший вопрос: где следует проводить грань между *живым бытованием* памятника и его *показом*. Иными словами, до какого момента участники экспедиционных “посиделок у костра” остаются сторонними наблюдателями (“экскурсантами”, “посетителями”) и с какого момента они сами становятся носителями элементов экспедиционной субкультуры, в том числе — песенной (“экскурсоводами”, “хранителями”)? Думается, что подобного рода затруднение на самом деле мнимое. Действительно. “посиделки у костра” только до определенного предела соотносимы с применяемым в музейной педагогике концертным методом (своего рода хепсинингом, см.: Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Музейная педагогика ..., с. 11): как правило, подобного рода *показ* ограничивается первым вечером, а уже со второго какая-то часть “новичков”, впервые попавших в экспедицию, более или менее активно включается в повседневный песенный быт. Тем не менее, реальными носителями экспедиционного песенного фольклора становятся в дальнейшем лишь немногие участники экспедиции, а большинство так и остается “наблюдателями-экскурсантами”, то есть, прежде всего — слушателями. Для этого-то большинства экспедиционные “посиделки у костра” и являются *музеем песни*, своеобразным музеем под открытым небом, причем именно участие в таких посиделках, как показывает практика, активизирует внимание и интерес слушателей и к экспедиционной субкультуре, и к археологии в целом.

¹⁶ Ким Ю. Московские кухни. М., Московские окна, 1994.

¹⁷ Напр.: Фольклор Новгородской археологической экспедиции. Новгород, 1992; Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать. СПб, 1999.

посвященном памяти Василия Дмитриевича Белецкого (почти сорок лет руководившего Псковской археологической экспедицией Эрмитажа), была опубликована статья “Археологические песни и песни археологов”. Авторы этой статьи — Александр Башарин и Мария Вениг (Башарина) — на протяжении последнего десятилетия постоянно принимали участие в работах экспедиций. Они начинали свое знакомство с археологией в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г., только-только окончив школу и поступив в университет. Затем каждое лето работали на раскопках в Пскове и Псковской области, побывали в ряде петербургских экспедиций (в том числе — работали в нескольких южных, “античных” экспедициях), а с 1998 г., когда возобновились исследования в Пушкиногорье, являются неизменными участниками Псковской областной экспедиции ИИМК РАН.

Башарины — это тоже те самые “человеки с гитарой”, без которых трудно представить себе археологическую экспедицию. Как невозможно представить без гитары туристов, альпинистов или геологов. Но дело не только в том, что Башарины поют. Важнее другое: и Саша, и Маша (пусть они простят мне эту фамильярность, но годы дружбы, да и приличная, увы, разница в возрасте дают мне некоторое право на подобное обращение) не только поют. Оба они — профессионалы-филологи, избравшие темой своих научных интересов песни студенческой и около-студенческой среды конца 40 — 90-х годов XX в., или, попросту говоря, — истоки и пути развития того феномена, который получил в литературе удачное определение — “поющие 60-е”¹⁸. Естественно, что именно Саша и Маша Башарины стали основными авторами настоящего пособия.

Читая статьи Башариных и комментарии к текстам песен, включенных в настоящий сборник, я впервые отчетливо осознал ту главную трудность, которая встает перед исследователем экспедиционного фольклора: недостаточная репрезентативность доступного для изучения источника. Казалось бы, в чем проблема. Археологи — люди поющие (даже при полном отсутствии слуха и голоса) и с удовольствием диктующие “под запись” тексты песен. Ан, нет — не все так просто. Полевые записи делались Башариными в экспедициях 90-х годов. К 80-м и 90-м годам относится большинство рукописных песенников, использованных исследователями. По этим записям, однако, можно установить только верхнюю хронологическую границу появления песни в экспедиционном репертуаре — не позднее момента создания песенника. Время же появления и многих “студенческих” песен, и, прежде всего, песен

¹⁸ (Л костра к микрофону, с. 45.

собственно “археологических”, а также происхождение последних по большинству песенников 80-х и 90-х годов, как правило, уже не устанавливается. Кроме того, тетради-песенники — источник своеобразный: они, по преимуществу, составлены “пульсарами”¹⁹ (“профессионалы” привыкли полагаться на собственную память), так что состав текстов, попадающих на страницы песенников, отражает не столько стабильный репертуар экспедиции, сколько разовые “срезы” — далеко не полный состав песен, бытовавших в конкретный полевой сезон²⁰. Все это, безусловно, влияет на информативные возможности доступного для изучения источника.

И все-таки, при всех источниковедческих ограничениях (которые, кстати говоря, сами авторы хорошо осознают), первый опыт изучения песенного фольклора археологических экспедиций представляется мне удачным. Это относится, прежде всего, к структурированию исследования Башариных — к разделению всего пласта экспедиционных песен на “песни, поющиеся в экспедиции” (они анализируются в статье М. В. Вениг) и собственно “археологические песни” (им посвящена статья А. С. Башарина). Удачным представляется подбор и систематизация “песен археологических экспедиций” — публикуемые тексты достаточно полно характеризуют “песенную культуру” петербургских археологических экспедиций 90-х годов XX в. Существенно, что для каждой из песен, тексты которых публикуются, приведены не только комментарии, но

¹⁹ Термин доктора исторических наук, проф. М. П. Грязнова, разделявшего участников археологических экспедиций на “профессионалов” (в их число включаются не только собственно археологи-профессионалы, но и вообще постоянные участники экспедиции, часто обозначаемые как “ядро”, “комсостав”, “офицеры”, “старики”, “кадры” и проч.), “пульсаров” (тех, кто приезжает в экспедицию эпизодически, “для души”) и “эфимеров” (раз съездили и — хватит).

²⁰ Механизм формирования песенника прост: вечерами у костра “старики” поют, а новички, собравшиеся вокруг, слушают, изредка подпевая. В перерывах, когда гитара ненадолго умолкает, песни комментируют “для непосвященных” — поясняются реалии, упомянутые в тексте, вспоминаются авторы, история создания той или иной песни. А потом (чаще всего — наутро, иногда — через пару-тройку дней) кто-нибудь из новичков, вооружившись тетрадкой и ручкой, просит “списать слова”. При этом в тетрадку попадают тексты, а комментарии остаются “за кадром”. Иногда песни записываются “по памяти”, тогда нередки искажения текста, порой весьма значительные и даже курьезные, ср.: “И сколоты в тот же час...” и “Эскалоны в тот же час...”, обнаруженное А. С. Башариным в одном из песенников.

также информация о происхождении публикуемого текста, времени и обстоятельствах его фиксации.

Осознавая ограниченные возможности использованных Башарины-ми источников для изучения хронологии бытования песен в репертуаре экспедиций, я подготовил для настоящего сборника заметки по истории песенного репертуара Псковской археологической экспедиции Эрмитажа, в составе которой мне посчастливилось работать на протяжении более четверти века, а также записал свои впечатления от песенного репертуара Изборской археологической экспедиции ИА АН СССР (ныне — ИА РАН) второй половины 70-х и начала 80-х годов. В тех случаях, когда тексты песен, певшихся в этих экспедициях, принципиально отличаются от текстов, зафиксированных Башариными, я включал в текст своих заметок привычные мне тексты. Это же относится и к текстам некоторых песен, которые за пределами Псковской и Изборской экспедиций мне более не встречались.

Предисловие к настоящему сборнику написано директором Государственного Пушкинского заповедника Георгием Николаевичем Василевичем. Это не первое его участие в подготовке учебных пособий для студентов-музееведов²¹. В 1997 г. Г. Н. Василевич стал инициатором возобновления археологических работ в заповеднике. С ним мы много раз обсуждали планы работ экспедиции на территории Псковской области, тематику и структуру каждого из выпусков в серии пособий “Далекое прошлое Пушкиногорья”. Естественно, что и задумка сборника, посвященного песенному фольклору археологов, неоднократно “проговаривалась”, в том числе — “у костра на Белогуле”, то есть — в палаточном лагере экспедиции на берегу озера Белогуль. 30 июня 2000 г., в самом начале очередного полевого сезона, во время одного из первых “вечеров у костра”, я попросил Василевича написать предисловие к шестому сборнику серии. Самого сборника в тот момент не только не было — не было даже оглавления, а структура пособия еще обсуждалась. Поэтому предисловие, привезенное Г. Н. Василевичем на следующие “посиделки” и тогда же прочитанное у костра в присутствии участников экспедиции, стало первым написанным фрагментом пособия, в значительной степени определившим и состав, и структуру настоящего сборника.

²¹ Василевич Г. Н. О сохранении и использовании памятников Пушкинского заповедника // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 1. История. СПб, 1998, с. 7—11; он же. Пушкиногорье: Юбилейные заметки // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб, 1999, с. 3—7.

И еще несколько слов.

Настоящий сборник мы посвятили памяти Юрия Десятчикова (1940—1995) и Валерия Петренко (1943—1991). Нынешние студенты знают их уже только по публикациям в научных изданиях и никак не соотносят с песнями, поющими “у костра”. Юрий Михайлович Десятчиков — археолог-античник, сотрудник Института археологии РАН, изучавший историю Северного Причерноморья и специализировавшийся в исследовании греко-варварских отношений на Боспоре. Он начинал свою профессиональную деятельность в Таманской экспедиции Н. И. Сокольского, а после смерти учителя возглавил экспедицию. Именно в экспедиции Сокольского впервые прозвучала “Скифская баллада”, написанная в начале 60-х студентом Юрием Десятчиковым (при участии нескольких однокурсников) и ныне поющаяся во всех археологических экспедициях на территории постсоветского пространства.

Валерий Петрович Петренко — археолог-славист, сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне — ИИМК РАН), специализировавшийся в изучении “варяжской проблемы”, проводивший раскопки в Старой Ладогге и Ивангороде, участвовавший в раскопках шведской Бирки и изучавший могильник Гробини (самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник). Он входил в состав “старшей дружины” студенческого славяно-варяжского семинара кафедры археологии ЛГУ, был участником легендарной “варяжской дискуссии” 22 декабря 1965 г., а в 1966 г. вместе с друзьями и коллегами по славяно-варяжскому семинару обследовал бассейн р. Каспля, по которой проходил участок “пути из варяг в греки” между Двиной и Днепром. Именно оттуда, из “Каспьянской разведки” были привезены написанные студентом Валерием Петренко (при участии друзей по семинару и разведке) песни, в том числе — “По звездам млечного пути”, ныне поющаяся в большинстве археологических экспедиций бывшего Союза.

Завершая вступление к сборнику “Песенный фольклор археологических экспедиций”, мне хотелось бы обратиться к коллегам — археологам, историкам, этнографам, филологам, словом — ко всем участникам археологических экспедиций разных лет: запишите свои воспоминания о песнях, которые вы пели и слушали в экспедициях (и не только) два, три, четыре десятилетия назад. Вспомните, кто и когда привозил в экспедицию песни, кого называли авторами (реальными или мифическими) этих песен. Попытайтесь вспомнить тексты тех песен, которые писались “к случаю”: кто, как и в связи с чем писал эти песни, как сложилась судьба авторов. Подобные воспоминания станут в будущем уникальным источником — таким, каким для нас является скальдика или песни трубадуров.

Мы когда-нибудь уйдем (все мы, увы, смертны) и вместе с нами из памяти уйдет целый пласт бытовой культуры, тех источников, без которых будущие историки науки вряд ли сумеют адекватно воссоздать и историю археологических открытий второй половины XX века, и историю повседневного быта археологических экспедиций, в которых эти открытия совершались. Какие-то тексты сохранятся на страницах песенников, составленных участниками экспедиций. Но будут безвозвратно утрачены рассказы о песнях и комментарии к упомянутым в них реалиям.

Конечно, нет никакой уверенности в том, что воспоминания о песенном быте экспедиций удастся издать, но, во всяком случае, эти воспоминания попадут на постоянное хранение в архив и, таким образом, сохранятся для будущих историков.

Координаты для связи:

195253, Санкт-Петербург, а/я № 71, Белецкий С. В.

Serge@SB7231.spb.edu;

basharin@AB4349.spb.edu;

abasharin@mail.ru.

Г. Н. Василевич

У КОСТРА НА БЕЛОГУЛЕ (вместо предисловия)

В июне, сидя у костра, мы дождик заедали кашей.

А он с темна и до утра воспитывал терпенье наше.

И в то же время под землей, в предожиданьи воскресенья, предметы старины седой в молчаньи презирали тленье. Просили наших верных рук. О том раскинутые кроны, колеблемый озерный круг напоминали нам как звоны. Века ушедшие, как друг, нас неотступно призывали, свои нам караваны слали напоминаний и примет. Их не читать слепой, иль пьяный, или душевно чуждый нам и тот не мог бы. Что о нас уж! Томились мы.

Томились бы, когда б ни вечное занятие, — часов старинных испокон, с их незатейливым укладом, когда все вместе, разом, рядом. Когда б ни легкий камертон души возвышенной — гитара. Вот так погод у моря ждут, или, сказать вернее — ждали, борясь с сиренами печали, — бродяга Одиссей, Ясон. Но им даровано спасенье. Сквозь обстоятельства невезенья Орфей, и Лель, и Боян наш в мир переменчивый и вечный пришли свободно и беспечно. Был неизвестен карандаш. Зато струна звала и пела на сотни разных голосов, прекрасных восхваляя, смелых, богов любимцев и ветров.

Безветрие рождало пир. Так дождь и нам — начало пира. Плеснув из чаши всем кумирам, — песнь начинал в “сиденьи” грек. А что уж русский человек! Та песнь достойна путешествий. Себя в ней каждый находил в картинах одоления бедствий, в божественном сияньи крыл. Ей грек одолевал безделье. Что ж, и для нас любой обед — пустой без песенного зелья. Без кой-чего к нему еще, что мы сравнили бы с ключом, с извечным током Ипокрены. Так в ожиданьи перемены под перебор гитарных струн хитроспленья ветхих рун небесный высветляют полог, срываясь с пробужденных струн.

Теперь же всмотримся мы в лица. Далече от костра столица. Дождь солнцем сменится вот-вот. Повеселее наш народ, привычный всякой непогоде. Но кто же солнцу будет против, когда трудов невпроворот. И

вдохновляет, и зовет струна — сестра, подруга барда — как некогда клинок и гарда для воина, иль быстрый меч. Голова струна не снимет с плеч, хоть кой-кто голову теряет, когда орленком налетает Амур, любовь ему сиречь.

Вот археолог. Не седой. И оком не чета Гомеру. Любовью поверяя веру, кропит мелодии водой и ту, и эту наши эры. Что б к дальним звездам унесли, или, в свои иные земли, друзья слова, и обрели бессмертие, сердцами внемля прекрасным бардов голосам.

Заслушаться я рад и сам течению их рассказов дивных про викингов, про князей видных, про гуннов, антов и котов, курганы, кирпичи, кротов, на свет монету выносящих, про всех, кто с нами, и про спящих. Вот обо всем происходящем сей сборник рассказать готов.

*30 июня — 2 июля 2000 г.
Оз. Белогуль — с-цо Михайловское —
— г. Псков — с-цо Михайловское — оз. Белогуль*

А. Городской песенный фольклор в репертуаре археологов

І. “Студенческая классика”

Студенческие песни — самый древний пласт субкультурных песен, имеющий в настоящее время уже почти трехвековую традицию². Именно среди студенческих песен встречаются “ветераны” городского песенного фольклора, живущие в активном репертуаре уже более ста лет, такие, как “Крамбамбули”, “От зари до зари” (“Там, где Крюков канал”), “По рюмочке, по чарочке”, “В гареме нежился султан” и др. Объем общеизвестной студенческой классики невелик. Из песен, возникших в более поздний период, можно упомянуть “Если ты не сдал в аспирантуру”, “В трудные минуты Бог создал институты”, “Декан”, песни так называемого “литературного цикла” и некоторые другие. Все они представляют собой сложившиеся фольклорные произведения с очень высокой вариативностью. Не пытаясь представить здесь какие-либо канонические тексты (их просто не существует, а наиболее ранние из известных текстов³ слишком сильно отличаются от того, что реально поется в наше время), приведем современные варианты, либо записанные непо-

¹ Подбор текстов — А. С. Башарин и М. В. Вениг, комментарии — А. С. Башарин. Источником для публикации послужили: записи и непосредственные наблюдения, сделанные в 1991—2000 гг. в ряде петербургских экспедиций, работавших на Северо-Западе и в Причерноморье: рукописные сборники песен, составлявшиеся в различных экспедициях в 80-е и 90-е годы; информация о песенном быте экспедиций, полученная в частных беседах. Пользуясь случаем, комментатор благодарит С. В. Белецкого, сообщившего большую часть сведений об археологических реалиях, авторах “археологических песен” и упомянутых в этих песнях лицах.

² Речь идет о песнях, активно бытующих и в настоящее время. Разумеется, европейская традиция студенческих песен намного древнее: из латинской гимнической традиции современному студенту известен, пожалуй, лишь “Gaudeamus”.

³ См.: Песни казанских студентов 1840—1868 гг. (К столетнему юбилею Казанского университета). Собрал А. П. Аристов. СПб, 1904; Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 1840 году (...) Собрал и издал студент того времени Вл. Александров. Харьков, 1891; Арфа подле кружки. Сост. В. А. Борткевич., Рига, 1891.

средственно от участников экспедиций, либо взятые из экспедиционных песенников.

1. Крамбамбули⁴

Песня “Крамбамбули” — пожалуй, самая старая песня, живущая в современном активном городском песенном репертуаре. По своему происхождению она связана с буршеской традицией и изначально представляла собой вольный перевод немецкой “Burschenlied”⁵. В активном репертуаре русского студенчества “Крамбамбули” живет и развивается, по крайней мере, с первой трети XIX в.⁶ Публикуется по списку из рукописного сборника В. И. Мордвинцевой, составленного в 1986—1987 гг. (дополнялся до начала 90-х гг.) в экспедициях Волгоградского университета⁷.

⁴ В сборнике “Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета ...” к песне “Крамбамбули” есть примечание: “Крамбамбули — сладкая водка” (с. 32—33). Однако в фундаментальном исследовании В. В. Похлебкина “История водки” (М., 1991) название “крамбамбули” не отмечено среди торговых и бытовых терминов (в том числе — жаргонных) связанных с алкогольными напитками, полученными путем перегонки.

⁵ Erk's deutscher Liederschatz. Eine Auswahl der beliebtesten Volks-, Vaterlands-, Soldaten-, Jäger- und Studentenlieder. Für eine Singstimme mit Piano-ortbegleitung. Die Texte und Melodien revidiert und auf deren Quellen zurückgeführt von Ludwig Erk. Leipzig. C. F. Peters № 7390 o/J Bd. L, S. 205. В этом издании песня состоит из 11 куплетов; указано также, что создана она в 1745 г., в качестве автора назван Crescentius Koromandel (Wittekind) из Дании. См. также: M. Friedländer Das deutsche Lied im 18. Jahrhundert Bd. I, S. XXXVI u. ff. № 17 (Crambambuli).

⁶ О переложениях песенных буршеских песен, создававшихся в 20-е годы XIX в., напр., в Дерпте (ныне г. Тарту, Эстония) см.: Друскин М. С. Студенческая песня в России 40-60-х гг. Главы из истории русской революционной песни. // Очерки по истории и теории музыки Л., 1939.

⁷ В сборнике “Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета ...” (с. 32—33) приведен следующий текст:

Крамбамбули отцов наследство,

Питье любимое у нас,

И утешительное средство,

Когда взгрустнется нам подчас.

Тогда мы все: лю-ли, лю-ли!

Готовы пить крамбамбули —

Крамбам-бим-бамбули: крамбам-бу-ли!

Крамбамбули, отцов наследство,
Вино любимое у нас.
И удивительное средство
Когда взгрустнется нам подчас.

И напевая ай-люли,
Стаканом пьем крамбамбули —
Крамбам-бим—бамбули,
Крамбамбули.
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

Когда придется мне заехать
На старый постоялый двор,
То прежде, чем сажусь обедать,
Я на вино бросаю взор.

И, напевая ай-люли,
Стаканом пью крамбамбули...

Когда бы я сидел на троне
И целым миром управлял,
То на золотой своей короне
Такой девиз бы начертал:

За милых женщин, черт возьми,
Стаканом пьем крамбамбули...

Когда случится мне заехать
На грязный постоялый двор,
То, прежде, чем сажусь обедать,
На рюмки обращаю я взор.
Тогда хоть черт все побори,
Когда я пью крамбамбули...

Когда б родился я на троне
И грозных турок побеждал,
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
Toujours contant et sans soussis
Lors'que je prend crambambouli.
Крамбам-бим—бамбули: крамбам-бу-ли!

Когда мне изменяет дева,
Недолго я о том грущу.
В порыве яростного гнева
Я пробку в потолок пушу.
 И напевая ай-люли,
 Я буду пить крамбамбули...

2. По рюмочке, по маленькой / По рюмочке, по чарочке

Известна, по крайней мере, с сороковых годов XIX века⁸. Поется с обязательными “репликами хора” в припеве. Последний куплет встречается редко и, возможно, имеет более позднее происхождение. Опубликуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г.

Когда на свет студент родился,
То разошлись небеса,
Оттуда выпала бутылка
И раздалися голоса:
 По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
 По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
 — А я не пью! — Врешь — пьешь!
 — Ей-богу, нет! — А бога нет!
 Так наливай студент студентке!
 Студентки тоже пьют вино,
 Непьющие студентки редки —
 Они все вымерли давно⁹.

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Дурак, он лучше бы напился,
Тогда бы все пришло в движенье.
 По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
 По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
 — А я не пью! — Врешь — пьешь!

⁸ Упомянута в сборнике “Песни казанских студентов 1840 — 1868 гг.”

⁹ Две последние строки каждого куплета и рефрена, как правило, повторяются. Довольно распространен также дополнительный рефрен, идущий после основного: “Так наливай, брат, наливай — Наливай! / И все до капли выпивай — Выпивай! / Вино, вино, вино, вино / Оно на радость нам дано”. Встречаются и комбинации двух рефренов).

— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак! Он лучше бы открыл
На Менделеевской ¹⁰ пивную!

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью! — Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.

А Ньютон целый век трудился,
Чтоб доказать тел притяжение.
Дурак! Он лучше бы влюбился,
Тогда бы не было б сомненья.

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью! — Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все замужем давно.

Чарльз Дарвин целый век трудился,
Чтоб доказать происхождение.
Дурак, он лучше бы женился,
Тогда бы не было б сомненья.

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью! — Врешь — пьешь!

¹⁰ Имется в виду Менделеевская линия на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Студенты из других городов поют: “На нашей улице пивную”.

— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все замужем давно.

А Менделеев целый век трудился,
Чтоб элементы вставить в клетки.
Дурак! Он лучше б научился
Гнать самогон из табуретки.

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью! — Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.

А гимназисту ром не нужен,
Когда идет он на экзамен,
Дабы не ошибился он,
Сказав, что Цезарь был татарин.

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью! — Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет! — А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.

3. Там, где Крюков канал / От зари до зари...

Песня того же времени, что и № 2, возможно, также связана с буршеской традицией. Обладает наиболее высокой вариативностью. В варианте из сборника Аристов¹¹ упоминается, например, Казанка-река и другие местные реалии. Сейчас студенты не-петербургских вузов обыч-

¹¹ Песни казанских студсигтов ...

но поют первый куплет в нейтральной форме ¹². Какие именно студенты жили на углу Крюкова канала и Фонтанки, пока не выяснено. Публикуемый текст записан в 1994 году в общежитии СПбГУ.

Там, где Крюков канал и Фонтанка-река,
Словно брат и сестра, обнимаются,
Там студенты живут, они песни поют
И еще кое-чем занимаются —

Через тумбу-тумбу-раз, через тумбу-тумбу-два,
Через тумбу-три-четыре спотыкаются.

А Исакий святой с колокольни большой
На студентов глядит, улыбается —
Он и сам бы не прочь погулять с ними ночь,
Но на старости лет не решается.

Через тумбу-тумбу-раз...

Но соблазн был велик, и решился старик —
С колокольни своей он спускается.
Он и песни поет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —

Через тумбу-тумбу-раз...

А святой Гавриил в небеса доложил,
Чем Исакий святой занимается,
Что он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —

Через тумбу-тумбу-раз...

В небесах был совет, и издал Бог завет,
Что Исаакий святой отлучается,
Мол, он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —

Через тумбу-тумбу-раз...

На земле ж был совет и решил факультет,
Что Исаакий святой зачисляется:

¹² "От зари до зари, / Лишь зажгут фонари / Все студенты толпой собираются. / Они горькую пьют, / Они песни поют / И еще кое-чем занимаются".

Он и горькую пьет, он и песни поет
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

А святой Гавриил по рогам получил
И с тех пор доносить не решается.
Он сам горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

4. Султан

Кажется, первая публикация этой песни относится к концу XIX в.¹³ Поется традиционно в одной “обойме” с № 1—3. Одно из наиболее ярких произведений студенческой анакреонтики — песен, воспевающих веселье винопития и прочие мирские удовольствия. Публикуемый текст записан в 1991 г. в Псковской экспедиции Эрмитажа.

В гареме нежится султан — да, султан!
Ему от бога жребий дан — жребий дан:
Он может девушек любить.
Хотел бы я султаном быть.

Но он несчастный человек — человек,
Вина не пьет он целый век — целый век,
Так запретил ему Коран.
Вот почему я не султан.

А в Риме Папе сладко жить — сладко жить:
Вино, как воду, можно пить — можно пить,
И денег целая мошна,
Хотел бы Папой быть и я!

Но он несчастный человек — человек,
Любви не знает целый век — целый век:
Так запретил ему закон.
Пускай же Папой будет он!

А я различий не терплю — не терплю,
Вино и девушек люблю — да, люблю,

¹³ Арфа подис кружки, с. 95-96, № 51.

И чтоб все это совместить,
Простым студентом надо быть.

В одной руке держу бокал — да, бокал,
Да так держу, чтоб не упал — не упал,
Другую обнял нежный стан —
Вот я и Папа, и султан!

Твой поцелуй, душа моя — душа моя,
Султаном делает меня — да, меня,
Когда же я вина напьюсь,
То Папой Римским становлюсь!

5. В скучные минуты Бог создал институты...

Автор первоначального варианта этой песни — советский писатель и сценарист Владлен Бахнов¹⁴. Написана она в конце 50-х годов на мотив “Корреспондентской застольной” К. Симонова¹⁵ и отчасти использует элементы ее текста (ср.: “С наше покочуйте, с наше поночуйте, с наше повоюйте хоть бы год”). Публикуемый текст записан от С. В. Белецкого¹⁶ в 2000 г.

В скучные минуты Бог создал институты,
И Адам студентом первым был.
Адам был парень смелый, ухаживал за Евой,
И Бог его стипендии лишил.

У Адама драма — вызвали Адама
На проверку в божий деканат.
И на землю прямо выгнали Адама,
Так пошли студенты, говорят.

От Евы и Адама пошёл народ упрямый,
Нигде не унывающий народ.
Студент бывает весел от сессии до сессии,
А сессия всего два раза в год.

¹⁴ На это есть указание, в частности, в “Словаре современных цитат” К. В. Душенко (М., 1997).

¹⁵ Симонов К. Стихотворения. Поэмы. М., 1982, с. 78—79.

¹⁶ Доктор исторических наук, сотрудник ИИМК РАН.

Что за предрассудки — есть три раза в сутки
И лечиться в чистую кровать?!
А мы без предрассудков едим один раз в сутки,
И на чистоту нам наплевать.

Весь день мы прогуляем, всю ночь мы проболтаем
И к утру не знаем ни бум-бум.
Так выпьем за гуляющих, за ничего не знающих,
За сессию сдающих наобум.

А есть, представьте, люди, которые нас судят.
Ну что за несознательный народ!
С наше поучите, с наше позубрите,
С наше походите на зачет.

II. Современная анакреонтика ("Питейный цикл")

Речь идет, разумеется, не о каком-то цикле в общепринятом понимании слова. Просто эти песни, как правило, поются все вместе и в совершенно определенные моменты экспедиционной жизни. Это довольно широкий круг песен, основная тема которых — винопитие и пьянство.¹⁷ И если в старом студенческом фольклоре преобладала тема именно винопития (веселья, радости), в современном чаще встречается самое настоящее пьянство (главное, чтобы много, а веселье — вопрос десятый).

6. Нам говорят, что мы неправильно живем

Редкий пример песни, созданной полностью в традиции старой студенческой анакреонтики. Неоднократно приходилось наблюдать в разных компаниях, как на строчке "День ото дня седеют (лысеют) наши головы" исполнитель или кто-то из слушателей кивал на присутствующего товарища с явными признаками того, о чем поется в песне. Помимо занятости этот факт представляет собой пример того, что песня воспринимается как коммуникативное сообщение, "прикладывается на себя". Текст публикуется по аудиозаписи Псковской экспедиции Эрмитажа 1985 г.¹⁸

¹⁷ Сюда же примыкают и такие песни, как "Поле Куликово" (№ 20) и "Черт побери" (№ 18), включенные в раздел "Археологические песни".

¹⁸ См. статью С. В. Белцкого в настоящем сборнике.

Нам говорят, что мы неправильно живем,
Тоска зеленая над нами крылья свесила.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как нам весело, ах, как нам весело!

День ото дня и год от года пьем вино.
День ото дня седеют наши головы.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как мы молоды, ах, как мы молоды!

День ото дня и год от года водку пьем.
Над нами правил всяких до черта поставили.
А мы бокалы наливаем и поем,
В гробу видали мы, в гробу видали мы!

И вот опять навеселе домой идем,
И все прохожие глядят на нас участливо.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как мы счастливы, ах, как мы счастливы !

Пусть говорят, что мы неправильно живем,
Тоска зеленая над нами крылья свесила.
А мы бокалы наливаем и поем,
Ах, как нам весело, ах, как нам весело!

7. Дай на маленькую

Один из информантов утверждал (и это представляется более чем вероятным), что песня “Дай на маленькую” — подтекстовка на мелодию одного из индийских фильмов (“Бродяга”?). Так или иначе, с 60-х годов и до настоящего времени песня активно исполняется, обрастая новыми куплетами. Публикуется по списку из рукописного сборника Н. А. Бондарко¹⁹, составленного в новгородских экспедициях в середине 90-х годов.

Сердце ёк-ёк-ёк —
Впереди пивной ларек,
А за этим за ларьком
Наш любимый гастроном.

¹⁹ Аспирант филологического факультета СПбГУ.

Дай на маленькую,
Дай на маленькую,
На большую не прошу —
Дай на маленькую!

У тебя есть троячок,
У меня есть троячок,
Нам ещё бы троячок
На вино и коньячок.
Дай на маленькую...

У тебя пять рублей,
У меня пять рублей,
Нам ещё бы пять рублей,
Чтоб нажраться до соплей.
Дай на маленькую...

У тебя миллион,
У меня миллион,
Нам ещё бы миллион —
Мы б пропили стадион.
Дай на маленькую...

Мы не пане, мы не баре,
Не нужны нам рестораны —
В подворотню скоком, скоком,
Там запьем томатным соком.
Дай на маленькую...

Мы с тобою бросим пить —
Будем денежки копить,
Как накопим рублей пять —
Нафигачимся опять.
Дай на маленькую...

В вырезвитель мы попали,
По десятке с нас содрали,
А я плачу и кричу:
“Дай на маленькую!”
Дай на маленькую...

Вот лежу я на дороге,
Широко раскинув ноги,
А в народе говорят —
“Это пьяницы лежат!”²⁰

Дай на маленькую...

8. В пещере каменной

Говорят, что еще в послевоенные годы мелодия этой песни действительно походила на “Арию варяжского гостя”, на базе которой создана. В современных исполнениях это уже или почти чистый речитатив (в котором лишь в первой строчке с трудом просматриваются рудименты мелодии-оригинала), или полностью новая мелодия. Публикуется по списку из сборника “Студенческие застольные”²¹.

В пещере каменной нашли наперсток водки,
И хвост селедочный лежал на сковородке.

Эх, мало водки, мало!

И закуски, братцы, тоже мало.

В пещере каменной нашли рюмашку водки,
Пескарик жареный лежал на сковородке.

Эх, мало водки...

В пещере каменной нашли стаканчик водки,
Цыпленок жареный лежал на сковородке.

Эх, мало водки...

В пещере каменной нашли бутылку водки,
Ягненок маленький лежал на сковородке.

Эх, мало водки...

В пещере каменной нашли бочонок водки,
Теленок жареный лежал на сковородке.

Эх, мало водки...

В пещере каменной нашли цистерну водки,
И мамонт жареный лежал на сковородке.

Эх, мало водки...

В пещере каменной нашли источник водки,
И стадо мамонтов паслось на сковородке.

Эх, мало водки...

²⁰ Встречаются варианты “алкоголики лежат” и “археологи лежат”.

²¹ (Интернет kulichki-win.rambler.ru/zastolje/songs.html)

III. “Литературный цикл”

Речь идет о шуточных песнях, основная тема которых — мир литературного произведения и его герои. Название “литературный цикл” также условно, хотя имеет некоторые права на существование, так как наиболее известные песни — “Венецианский мавр Отелло”, “Ходит Гамлет с пистолетом”, “В имении, в Ясной Поляне” — написаны одним и тем же коллективом авторов²². Песни литературного цикла, такие, как “Венецианский мавр Отелло”, “Ходит Гамлет с пистолетом”, “В имении, в Ясной Поляне”, “Жила на Москве героиня романа...” (“Анна Каренина”) и др., возникли в русле студенческой традиции, но получили самое широкое распространение. Практически все они — ироничные, пародийные, иногда сатирические песенные переложения наиболее известных (читай — намозоливших глаза) литературных сюжетов. Эти песни — пародии не на произведение или автора, а на популярность произведения, возвеличивание автора, устоявшиеся трактовки литературных фактов и т. п., то есть — пародии на культурный штамп.

9. В имении, в “Ясной поляне”

Песня “В имении, в “Ясной поляне”, пожалуй, наиболее фольклоризованная из песен “литературного цикла”²³. В публикуемом тексте ку-

²² С. П. Кристи, А. П. Охрименко и В. Ф. Шрейберг. История появления прототекстов “литературного цикла”, рассказанная А. П. Охрименко, зафиксирована в магнитоальбоме “Я был батальонный разведчик”: “Я скажу два слова о том, кто писал эти песни. Писали, вот, все эти песни, — не все, а вот, “Батальонного разведчика”, “Толстого”, “Отелло”, “Гамлета” — мы троим: я, мой старый друг, который демобилизовался на год позже меня, в 47 году, Сергей Кристи и Володя Шрейберг, который шел на класс моложе нас. Писали мы у него, у Володи — у них было две комнаты в общей, коммунальной, квартире. В одной из них стояло фортепьяно... И это выглядело так: он садился к фортепьяно, мы с Сергеем располагались, значит, по обе стороны, я иногда приходил с гитарой, ну, в большинстве случаев; и мы не писали, а мы, как бы, ну, чтоли слагали песни. Они долгое время нигде не были записаны, пока, наконец, Володя не хватился и говорит: “Слушай, Леня, давай, все-таки запишем, перепечатаем их, все же на памяти на нашей, так же не должно быть”. И несколько, правда, песен удалось перепечатать. У него была машинка. Но далеко не все. Все остались на памяти, потом, к сожалению, мама троих расстроилась... Но, уже после этого, после 51-го года, мы вместе никогда ничего не писали” (Охрименко А. Я был батальонный разведчик. М., “Московские окна”, 1998).

²³ Авторский текст см.: Охрименко А. Я был батальонный разведчик.

плеты 5—7 редкие, но весьма интересные тем, что в 70-е годы они бытовали в среде именно историков и археологов. Публикуемый текст написан от П. И. Кулакова²⁴ в 1995 г.

В имени, в “Ясной поляне”
Жил Лев Алексеич Толстой.
Он рыбу и мясо не кушал —
Ходил по имению босой.

Жена его, Софья Толстая,
Обратно, любила поесть;
Она не ходила босая —
Хранила дворянскую честь.

И плакал великий писатель,
И кушал вареный овес;
И роман его “Воскресенье”
Читать невозможно без слез.

Великим был Лев Алексеич,
Он был всенародный кумир
За роман свой “Анна Каренина”
И пьесу “Война али мир”.

Георг Валентиныч Плеханов
Считал, что писатель Толстой
Писатель был очень неглупый,
Философ же очень плохой.

А Ленин наглядно считает,
Что Лев Алексеич велик
Не токмо как русский писатель,
Но также как русский мужик.

Из этой сложнейшей проблемы
Понять вы, ребята, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

²⁴ Преподаватель истории в Академической гимназии СПбГУ.

Однажды любимая мама
На барский пошла сеновал.
Случилась ужасная драма —
Граф маму изнасиловал.

Вот так разлагалось дворянство,
Вот так распадалась семья;
И в результате того разложения
На свет появился и я.

В суровом огне революций,
В агонии творческих мук
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук²⁵.

10. Анна Каренина

Песня возникла, вероятно, в середине 50-х годов или немного позднее²⁶. Подобно № 9, она стилизована под “вагонную песню”²⁷. Публикуемый текст записан в 1992 г. от М. А. Юнгер²⁸.

Жила на Москве героиня романа
Из бывших дворянских кровей.
Она называлась Каренина Анна,
Аркадьевна отчество ей.

²⁵ Иногда вместо строк “В суровом огне революций / В агонии творческих мук” поют: “Я сыново графа Толстого / Незаконнорожденный внук”.

²⁶ Как на Дерибасовской...: Песни дворов и улиц. Кн. 1. Сост.: Хмельницкий Б., Яесс Ю. СПб, 1996, с. 226. В послесловии указано: сборник возник, когда “три пятидесятилетних интеллигента ... решили вспомнить и записать самые лучшие, самые популярные песни своего детства, отрочества и юности” (Как на Дерибасовской..., с. 274).

²⁷ В годы гражданской войны, а также в первые годы после Великой Отечественной войны инвалиды и беспризорники пели по поездам различные песни, сопровождая их просьбой “помочь кто сколько может”.

²⁸ В то время — студентка филологического факультета Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (СПб).

Работать она не имела охоты,
И с пагубной страстью в груди
Та бедная дама жила без работы,
Сгорая от страшной любви.

Явился тут Вронский, ужасный пройдоха
И бывший к тому ж офицер.
Его воспитала другая эпоха,
И жил он не в СССР.

И бедная Анна пошла до вокзала
И гордо легла на пути.
Ее в те проклятые дни капитала
Никто не подумал спасти.

Вот так погибают пустые кокетки,
Познавшие царский режим.
А мы в завершающий год пятилетки
Не миримся с фактом таким.

Подайте, братишки, подайте, сестренки,
Подайте хоть хлеба кусок,
Поскольку у этой Карениной Анны
Остался малютка сынок.

Ведь он воровать не имеет охоты,
Забытый от всех от людей...
Подайте, братишки, подайте, сестренки,
Вас просит Каренин Сергей.

IV. Историко-культурные сюжеты

В данном случае речь не идет о каком-либо устоявшемся цикле, просто песни этой тематики всегда с особой любовью поются в экспедициях. В городском песенном фольклоре 50-х — 90-х (в частности — в фольклоре интеллигенции и студенчества), песен, посвященных древней истории не так много, зато песни с различными элементами критической оценки советской действительности составляли весьма заметное явление.

11. Мезозойская культура

Вероятно, создавалась эта песня не только как переделка популярной песни “Если любишь”²⁹, но и, отчасти, как пародия на нее. В студенческих песенниках, кустарно издававшихся в конце 60-х годов³⁰, она приписывалась А. Генкину, но точно установить это пока не удалось³¹. “Канонического” варианта этой песни не существует, количество “дополнительных” куплетов и их вариантов достаточно велико³². Обусловлено это тем, что мелодически, синтаксически и содержательно куплеты легко разложимы на две относительно автономные половины, что облегчает свободное комбинирование половинок куплетов. Способствует этому также и большой объем песни: из двух полузабытых куплетов можно составить один. Текст публикуется по электронному варианту сборника песен физико-математической школы № 239 Санкт-Петербурга, составленного в 1990 г.

Помнишь мезозойскую культуру:

У костра сидели мы с тобой,
Ты на мне разодранную шкуру
Зашивала каменной иглой.
Я сидел, небритый и немывтый,
Нечленораздельно бормотал.
В этот день топор из неолита
Я на хобот мамонта сменял.

Если хочешь — приди
И в пещеру войди,
Хобот мамонта вместе сжуем.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Эту ночь проведем мы вдвоем.

²⁹ Слова Л. Ошанина, муз. К. Листова. См., напр.: Я вас по-прежнему люблю // Песни прошлых лет: Песенник. М., 1991, с. 77.

³⁰ Напр., Песенник матмеха (ЛГУ) 1968 г.

³¹ В магнитоальбоме песен А. Генкина (Снова будет весна. М., “Московские окна” 1996) ее нет. Авторские сборники А. Генкина, кажется, не издавались.

³² Так, в публикуемом списке отсутствует куплет “Помнишь Петю Кантропа, соседа...”, певшийся в Псковской экспедиции Эрмитажа в 80-е годы (см. статью С. В. Белецкого в настоящем сборнике).

В дымном полусумраке пещеры,
Где со стенок капала вода,
Анекдот времен архейской эры
Я тебе рассказывал тогда.
Ты иглой орудовала рьяно,
Не подняв своих косматых век:
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, еще не человек.

Если хочешь — приди...

Помнишь наше первое свиданье
Над лесной извилистой рекой?
Слышалось урчанье и ворчанье —
Мы с тобою шли на водопой.
Ты сказала: “Вся в твоей я власти,
От любви, как от огня, горю!” —
И в порыве тихой, нежной страсти
Откусила напрочь мне ноздрю.

Если хочешь — приди...

До сих пор я часто вспоминаю
Темный вечер высоко в горах,
Как тебя сырую доедая,
Плакал я, от ревности горя.
И ночами снится мне не даром
Холодок базальтовой скалы,
Тронутые ласковым загаром
Руки волосатые твои.

Если хочешь — приди...

В веке нашем нынешнем, двадцатом,
Не похожем так на мезозой,
Бритым, аккуратным, неизмятым
На свиданье я приду с тобой.
И тебе скажу я без оглядки,
Что тебя без памяти люблю —
Человека с головы до пяток,
Обезьяну милую мою.

Если хочешь — приди...

12. Про два монастыря

В библиотеке М. Москвина (Интернет) содержится следующая информация об этой песне: “Об авторстве мнения разделились...: то ли Львович, то ли Муравьев (оба жили 10 лет назад в Казани)..., Борис Вайханский из Минска... пел ее на концертах еще в семидесятые. В основе лежит реальная история. В Ростове Великом есть два монастыря, говорят, когда-то действительно прорыли там монахи и монахини подземный ход”. Особой любовью песня пользуется у женской половины экспедиций: ключевые слова: “А в это время женщины копали...” нередко выкрикиваются исключительно женским хором. Публикуемый текст записан от В. Фисенко³³ в 1990 г.

Легенду слышал я в далеком детстве,
Не все я помню, честно говоря,
Как в древности стояли по соседству
Мужской и женский — два монастыря.
Монахам без ухода жилось туго,
Жизнь у монашек тоже не сироп.
И вот однажды друг навстречу другу
Они подземный начали подкоп.

Был труден путь до встречи на рассвете,
И грустен я — ну, как тут не грустить! —
Ведь прокопали женщины две трети,
Мужчины же лишь треть того пути.
Они дымок колечками пускали,
Травя за анекдотом анекдот,
А в это время женщины копали,
И продвигались медленно вперед.

Еще причину укажу отдельно,
Я эти штуки знаю наперед,
Монахи, я уверен, параллельно
Вели подкоп под винный погребок.
Они вино крепленное глотали,
Травя за анекдотом анекдот,
А в это время женщины копали,
И продвигались женщины вперед.

³³ В то время — ученица II исторического класса школы № 107 Санкт-Петербурга.

Но вот, среди них один нашелся кто-то,
Сказал он: “Братцы, нет на вас креста!
Даешь бесперебойную работу!
Даешь производительность труда!”
Потом монахи долго заседали
И составляли план работ на год,
А в это время женщины копали,
И продвигались женщины вперед.

Не о монахах я теперь печалюсь.
Не стал бы я о них слагать стихи;
Пускай монахи сами отвечают
За их средневековые грехи.
Прошли года — и что теперь судачить,
Кто в глубь копал, а кто копал и вширь.
Но остается главная задача —
Лентяев подводить под монастырь.

13. Искусствовед

По сравнению с другими сатирическими песнями, направленными против советской идеологии и действительности (“Царь Николашка, самодержец всей Руси...”, “Стакан жемчуга” и др.), эта песня довольно молодая. Широко распространилась она где-то к рубежу 70-х — 80-х годов, но возникла, скорее всего, раньше. Хотя авторство этой песни и первоначальный текст пока не установлены, невысокая вариативность указывает на то, что тот вариант, который поется, близок к исходному. Публикуется по списку из рукописного сборника Н. А. Бондарко (см. № 7).

Эта картина довольно проста,
Это Иванов, “Явление Христа”.
Это — Христос, ну, а это — народ,
Сзади, как видите, речка течет.
Искусствовед, искусствовед,
В массы несет просвещения свет (бред).

Эта картина — Грозный Иван,
А вот его сын, он умирает от ран.
Сына Иван погубил своего —
Гневно давайте осудим его!
Искусствовед, искусствовед...

Это — Кандинский, абстрактная вещь,
Черт знает что намалевано здесь.
Здесь непонятно нам ничего —
Гневно давайте осудим его!
Искусствовед, искусствовед...

А начиная вот с этой стены,
Дальше — искусство советской страны.
Здесь не какой-нибудь вам модернизм.
Зрелый, здоровый соцреализм!
Искусствовед, искусствовед...

V. “Случайные” песни

Нет возможности, да и необходимости приводить здесь все городские песни, которые звучат в экспедициях. Выше намечены наиболее заметные их группы, причины присутствия которых в репертуаре именно археологов более или менее ясны. Бывают случаи, когда песня задерживается в репертуаре какой-либо экспедиции в силу субъективных причин (авторитет главного исполнителя или начальника, воспоминания, связанные с песней и т. п.). Но иногда случается и так, что песня стабильно присутствует в репертуаре многих экспедиций почти без всяких на то видимых причин. В таком случае остается только констатировать факт.

14. Фудзияма

Уникальность песни состоит в том, что она присутствовала во всех без исключения экспедициях, с репертуаром которых составителям довелось познакомиться. Вторая ее особенность состоит в том, что у этой песни практически нет вариантов — имеются два независимых, несводимых один к другому текста, причем в причерноморских экспедициях преобладает один из них, а в северо-западных — другой. И, наконец, третья особенность песни: ее ни разу не удалось зафиксировать за пределами археологической среды: если такие фиксации и были, то каждый раз оказывалось, что информант узнал песню от знакомого, бывавшего в археологических экспедициях. Публикуемый текст “южного варианта” записан в 1994 г. в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН (нач. экспедиции Ю. А. Виноградов), “северный” вариант публикуется по списку из рукописного сборника В. Н. Мордвинцевой (см. № 1).

“Южный” вариант

Он бессвязно шептал про любовь
И портреты с обоев срывал,
И по стенкам разбрызгивал кровь,
Когда кишки стамеской вскрывал.
А ведь в ней он не чаял души:
Тот платок — это память о ней.
Он немного себя придушил —
Он хотел, чтобы было верней.

Фудзияма — не яма — гора
Над священной и быстрой рекой.
Ямамото — такой генерал,
Харакири — обычай такой.

Проклиная судьбину свою
(На дворе, между прочим, январь!)
Он нарочно напоз на змею,
И впила ядовитая тварь!
В чай разбитое бросил стекло,
Глядя все на заветный платок,
И, чтоб время не даром прошло,
Сделал очень приличный глоток.

Фудзияма — не яма — гора...

Всю посуду и мебель круша,
Он у газовой встал у плиты,
Все конфорки открыл и дышал,
И шептал: “Если б видела ты!”
А когда уже не было сил,
Он воскликнул: “Была ни была!” —
Чиркнул спичкой, зажег керосин,
И, как факел, в ночи запылал!

Фудзияма — не яма — гора...

Догоравшей рукою смахнул
Он с горящего глаза слезу
И с крутого обрыва махнул
Под катящийся поезд вниз.
Его тело наутро нашли.

Врач сказал, посмотрев сквозь очки:

“Опоздали вы на пять минут, —

Медицина бессильная тут!”

Фудзияма — не яма — гора
Над священной и быстрой рекой.
Ямамото — такой генерал,
Харакири — обычай такой.

Икебана не пища — цветы,
Гейши их собирали в букет,
Самураи уж больно круты,
Не достать на Кабуки билет!

Фудзияма — не яма — гора!
Камикадзе любили сакэ.
Цунами бушевало в Консю,
Кимоно на Хоккайдо в ходу.

Фудзияма — не яма — гора!
Чио-Чио-Сан, если б знала
Джиу-джитсу, дзю-до, карате
Не случилось бы с ним ничего!

“Северный вариант”

Он сперва себе стрельнул в висок,

Палец левой ноги оторвал,

Кровью выпачкал весь потолок,

Когда кишки стамеской вскрывал.

Фудзияма — не яма — гора,
Над великой священной рекой.
Ямамото — такой генерал,
Харакири — обычай такой.

А у калия (Sic! — А. Б.) есть цианид (Sic! — А. Б.),

Генерал им кололся до слез.

Утопиться хотел, паразит —

Утюга до реки не донес.

Фудзияма — не яма — гора...

Скорый поезд в Киото спешил —
Генерал под него не успел,
Изо всех своих старческих сил
Под последний трамвай угодил.

Фудзияма — не яма — гора...

Вот и кончен печальный рассказ
О великой, но страстной любви.
О судьбе Ямамото не раз
Сочинит Голливуд боевик.

Фудзияма — не яма — гора...

Икебана — не пища — цветы,
Гейши их собирали в букет,
Самураи уж очень круты,
Не достать на Кабуки билет!

Фудзияма — не яма — гора...

Фудзияма — не яма — гора!
Камикадзе любили сакэ.
Цунами бушевало в Консю,
Кимоно на Хоккайдо в ходу.

Фудзияма — не яма — гора...

Фудзияма — не яма — гора!
Чио-Чио-Сан, если б знала!
Джиу-джитсу, дзю-до, карате
Не случилось бы с ней (Sic! — А. Б.) ничего!

Фудзияма — не яма — гора...

15. Солнце встает над рекой Хуанхэ

Песня “Солнце встает над рекой Хуанхэ” широкое распространение получила в середине 80-х годов. Это, пожалуй, наиболее поздняя из кумулятивных, “докучных” песен³⁴, прочно вошедшая в экспедиционный репертуар. Точное время ее возникновения и история создания пока не установлены, но, не исключено, что она появилась на вол-

³⁴ Ср.: “Пятнадцать негрятя...”, “Один верблюд идет...” и др.

не т. н. “китайских” песен 70-х годов³⁵. Интереснейшая ее особенность — речетативные вставки³⁶. Но если диалог солиста и хора в целом довольно распространен, то обязательный речетатив-монолог солиста (в тексте песни выделен курсивом) — явление редкое. Еще одной особенностью этой песни является тот факт, что в большинстве экспедиций она исполнялась, как правило, не во время застолий, а по дороге “на раскоп — с раскопа” или непосредственно на раскопе. Любопытно, что эта, уникальная в своем роде песня, как и № 15, связана с восточной тематикой. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 году.

Понедельник. Первый рабочий день в СССР и в Китае.

Солнце встает над рекой Хуанхэ,
Китайцы на поле идут,
Горсточку риса зажав в кулаке,
И Мао портреты несут³⁷.

Хор китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Вторник. Второй рабочий день в СССР и в Китае.

Солнце встает над рекой Хуанхэ,
Китайцы на поле идут,
Горсточку риса зажав в кулаке,
И Мао портреты несут.

³⁵ Ср.: “Хунвэйбины” и др. “китайские” песни В. Высоцкого; пародия “Над Пекином небо синее...” на песню А. Городницкого “Над Канадой”, “Китайская колыбельная” (“Желтою лампою светит луна”) с патетической строчкой “Скоро советских подводников строй / Скажет китайцам ку-ку!” и др.

³⁶ Подобное явление наблюдается иногда в песне “В пещере каменной” (№ 8), когда слова “Ели? — Ели! Пили? — Пили! Много? — Мало! Начнем с начала!” между куплетами произносятся речетативом.

³⁷ Иногда помимо “утренней” партии добавляется еще и “вечерняя”: “Солнце садится в реку Хуанхэ, / Китайцы с работы идут, / Горсточку риса давно уже ест, / Остался лишь Мао портрет”.

Хор китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Среда. Рабочий день в СССР. Рыбный день в Китае.

Солнце встает над рекой Хуанхэ,
Китайцы на поле идут,
Хвостик селедки зажав в кулаке,³⁸
И Мао портреты несут.

Хор китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Четверг. Рабочий день в СССР. Банный день в Китае.

Солнце встает над рекой Хуанхэ,
Китайцы купаться идут,
Хвостик мочалки зажав в кулаке,
И Мао портреты несут.

Хор китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Пятница. Рабочий день в СССР и в Китае.

Солнце встает над рекой Хуанхэ,
Китайцы на поле идут.
Горсточку риса зажав в кулаке,
И Мао портреты несут.

³⁸ Непригодность этого и следующего куплетов для исполнения вечерней "партии" стала очевидна только в процессе попытки однажды исполнить ее после каждого куплета. Что-либо менять было поздно и пришлось петь третью строчку в стереотипном варианте, но с "кавказским" акцентом: "Солнце садится в реку Хуанхэ, / Китайцы с работы идут, / Хвостык селодки давно уже нэт, / Остался лишь Мао портрет". Это "нововведение" впоследствии неоднократно воспроизводилось.

Хор китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Суббота. Выходной день в СССР, рабочий день в Китае. Китайцам завидно, поэтому их хор грустен.

Со-о-о-лнце встае-о-о-т над реко-о-ой Хуанхэ,
Кита-а-айцы на поле иду-у-у-у-ут,
Го-о-о-орсточку риса зажав в кулаке,
И Мао портреты нес-у-у-у-ут.

Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!

И поэтому:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Суббота. Выходной день в СССР, рабочий день в Китае. Вечер.

Солнце садится в реку Хуанхэ,
Китаец с китайкою спят,
Дети-китайцы сидят на горшке,
И Мао портреты шуршат.

И не слышно хора китайцев:

У-ня-ня, у-ня-ня, у-ня-у-ня-ня!

Б. "Археологические" песни

VI. "Общая классика"

Название раздела условно, так как, разумеется, далеко не во всех экспедициях эти песни поются. Характеризуя их как "общую классику", хочется сакцентировать внимание на том, что эти песни присущи репертуару экспедиций не только одного региона (как минимум, и северо-западные, и причерноморские экспедиции), причем, в большинстве своем известны в экспедициях и ленинградских/петербургских, и московских.

16. "Гимн археологов"

Студенческие гимны существуют уже не одну сотню лет. На русской почве последний раз массовым явлением создание студенческих гимнов стало в 50-е — начале 60-х гг. В это время повсеместно возникали многочисленные гимны профессий, вузов, факультетов, отдельных специальностей и даже кафедр. Интересно, что гимны, созданные самими студентами, пелись гораздо чаще и активнее, чем предлагавшиеся "сверху" официальной песенной культурой. Пожалуй, наиболее распространенным и любимым общестуденческим гимном был "Глобус" ("Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой...")³⁹. Неудивительно, что на его мелодию создавались и более "узкоспециальные" гимны, как правило, использующие фрагменты "общего" "Глобуса" (в данном случае — последний куплет). Приводимый гимн известен не всем археологам и признается как гимн далеко не всеми. "Гимн археологов" в данном случае — название, а не реальное определение характера произведения. Подлинно общепризнанного гимна у археологов нет. Происхождение песни пока однозначно не установлено. Публикуемый текст записан от С. В. Белецкого в 2000 г. (см. № 5).

Вот сдадим все экзамены,
И с души упадет
Век железный, век каменный
И по бронзе зачет.

И тогда открыты все дороги,
По которым проходили ноги
Лошадиные и человечьи,
До свидания, до новой встречи!

Нам придется с рулеткою,
С нивелиром дружить,
Нам придется разведкою
По полям проходить,

Чтоб история на фактах крепла,
Чтоб вставали из руин и пепла
Города, сожженные врагами,
Погребенные в земле веками.

³⁹ Авторами первоначального варианта (2 куплета) были М. Львовский и М. Светлов.

А этнографы бросятся
Собирать все подряд.
Их ботинки изнаются,
А носы обгорят.

Они будут рисовать узоры,
Они будут собирать фольклоры,
Они будут портить аппараты,
Заснимая города и хаты.

Тот, кто был в экспедиции,
Тот поет этот гимн,
И его по традиции
Мы считаем своим,

Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Потому что мир без песен тесен.

Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не закралась плесень.

17. Там, за Танаис рекой... / Скифы / Скифская баллада

Это, без сомнения, наиболее известная археологическая песня. Во многих экспедициях именно она выполняет функцию археологического гимна. История создания песни записана со слов С. В. Белецкого: “Песня “Там, за Танаис рекой” написана на мелодию старой казачьей песни “Там, за Доном, за рекой казаки гуляют” в два приема в 1960 или в 1961 году студентами-археологами Московского университета на лекциях по истории КПСС. Авторское название песни — “Скифская баллада”. Автор основного текста с легендарным количеством куплетов — Ю. М. Десятчиков († 1996)⁴⁰, соавторы — А. А. Кривонос († 1995)⁴¹; И. К. Фролов († 1984)⁴²; А. И. Шкурко⁴³. Кроме того, называют авторов

⁴⁰ Впоследствии — кандидат исторических наук, сотрудник ИА АН СССР (ИА РАН).

⁴¹ Впоследствии — зав.отделом в Министерстве культуры РФ.

⁴² Впоследствии — научный сотрудник ИА АН СССР.

⁴³ В настоящее время — директор Российского исторического музея (Москва).

отдельных куплетов: В. С. Долгоруков ⁴⁴ — куплет “Пьяных боги берегут...”; С. Р. Тохтасьевым ⁴⁵ дописан в 70-е годы финальный куплет (“Там, за Танаис рекой // Уж не в скифском поле”). Часть куплетов, например, 24 куплета философского спора между греком и скифом, по-видимому, утеряна безвозвратно — Ю. М. Десятчиков не смог их вспомнить”. В экспедициях поется, как правило, около 10 куплетов. Песня обладает весьма высокой вариативностью. В частности, упоминание в песне ряда исторических реалий, незнакомых неспециалисту, породило большое количество разночтений, иногда совершенно абсурдного характера. Наиболее полный текст записан С. В. Белецким от Ю. М. Десятчикова в конце 80-х годов. Легендарная версия о 50-ти с лишним куплетах реального подтверждения пока не имеет. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г.

Там, за Танаис-рекой, за рекой,
Скифы пьют-гуляют,
Потерял грек покой, да грек покой!
Скифы пьют-гуляют.

Царь Атей отдал приказ, отдал приказ
Сбросить греков в море,
И сколоты ⁴⁶ в тот же час, — в тот же час!
Собралися в поле.

Акинаков перезвон, перезвон
Слышен в скифском стане,
И марают свой хитон, — да, свой хитон!
Греки-боспоряне.

⁴⁴ В настоящее время — кандидат исторических наук; в 80-е и 90-е годы — сотрудник ИА РАН.

⁴⁵ В настоящее время — кандидат исторических наук, сотрудник СПбФ Института востоковедения РАН.

⁴⁶ От гимназистов-практикантов в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН в 1994 году записан вариант: “*Эскалопы* в тот же час...”. Это не единственный пример абсурдных замен в тексте, вызванных непонятностью термина. Сколоты — самоназвание скифов: “Общее же название ... их — сколоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины” (Геродот. *Истории* // Латышев В. В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*. Вып. 1—2. СПб, 1992, с. 75).

Скоро скифы-степняки — да, степняки!
Разлетятся роем,
И насытятся клинки — да, клинки!
Греческою кровью.

Я люблю кровавый бой, кровавый бой
И врага вкус крови.
Скифской лавы дикий вой, — да, дикий вой!
Лучше всех мелодий.

Пряный запах чабреца, — да, чабреца!
Горький вкус полыни,
Укрошенье жеребца — да, жеребца!
На степной равнине.

Под копытами коня — да, коня!
Вьется пыль степная,
Льется песня степняка, — да, степняка!
Льется удалая.

Даль степная широка, широка
Все Причерноморье.
Повстречаю грека я — да, грека я!
Во широком поле.

“После чего следуют 24 куплета философского спора между греком и скифом, в результате которого”⁴⁷:

Акинаком исколю, исколю
Всю античну рожу,
А потом коня возьму, коня возьму
Конь всего дороже.

Голову б его отдал — да, отдал!
Я царю Атею,
И из рук царя бокал — да, бокал!
Выпью за трофею.

⁴⁷ Эта фраза именно в такой форме в 1992—1996 гг. неоднократно произносилась С. В. Беллицким в этом месте песни для пояснения последующего развития сюжета.

Кровью эллина смочу — да, смочу!
Древний меч Ареса
И двуконный поскачу, — да, поскачу!
К стенам Херсонеса.

В Херсонесе кулаки — да, кулаки!
Все сидят по клерам,
Поставляют пауки — да, пауки!
Книдскую мадеру.

Лихо въеду в Херсонес, в Херсонес
Там продам гнедого,
А потом в кабак залез, в кабак залез — бы!
Взял себе хмельного.

Пил хмельное не спеша, не спеша,
Устали не зная.
Чтобы слилася душа, моя душа
С боженькой Папаем.

Выпью книдского вина, — да, вина!
Не смешав с водою,
И гулял бы дотемна, — ой, до темна!
С гетерой молодую.

Пока зори не взошли, не взошли,
Возвращусь в кочевья,
Накурюсь я конопли — да, конопли!
До умопомраченья.

Утром баню истоплю, истоплю,
Выбью дух Пиндосов
И от страсти завоплю, — да, завоплю!
Как Сократ-философ.

Мой товарищ, акинак, акинак,
Конь да лук с колчаном,
Пропадешь ты как дурак, — совсем дурак!
Коль не будешь пьяным.

Пьяных боги берегут, берегут,
Истина святая.
Видно боги с нами пьют, с нами пьют,
Только мы не знаем.

Пей, гуляй, пока живешь, пока живешь,
Веселись по пьяни,
Все равно конец найдешь
Во степном бурьяне.

Даль степная широка, широка
Без конца и края,
Льется песня степняка, — да, степняка!
Льется, затихая...⁴⁸

Но!

Там, за Танаис-рекой, за рекой
Уж не в скифском поле,
Там гуляет савромат удалой
С миоткой молодою!

18. Черт побери!

Песня, хорошо известная и в северо-западных, и в античных экспедициях. Видимо, она создана на базе студенческой песни⁴⁹. Время возникновения не установлено, в репертуар экспедиций вошла не позднее конца 70-х — начала 80-х годов. В экспедициях исполняется обычно во время застолья, последняя строчка выкрикивается всеми участниками и нередко сопровождается ударами кружек по столу (если таковой имеет-

⁴⁸ Обычно при повторе последняя строка поется тише, а возглас “Но!” и первая строка финального куплета — как можно громче.

⁴⁹ В библиотеке М. Москвина (Интернет) приведен с названием “Студенческая застольная” следующий текст:

Черт по-бери-и! Выпить хочется, братцы
Надо всем нам собраться, опрокинуть стаканчик-другой
— В пивной!

Жить без вина не могу под луною
Сядем рядом с тобою, опрокинем стаканчик-другой
— В пивной!

Завтра опять мы здесь воблу разложим
Обсосем и обгложем, одним словом тряхнем стариной
— В пивной!”.

ся) или двумя ритмичными ударами (например, ложкой по миске). Публикуемый текст представляет собой “сборный” вариант, возникший без участия составителей и певшийся в Псковской областной экспедиции ИИМК РАН в 1998—2000 гг. В большинстве экспедиций поются куплеты 1, 7, 8, 9, 10.

Черт побери!
Как выпить хочется. братцы!
Не пора ли нам вместе собраться,
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

При фитиле
Керосиновой лампы
Все сидим мы и думаем, как бы
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

Лазали мы,
Где не лазали черти.
Ах, как хочется, братцы, поверьте,
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

Нам из ручья
Никогда не напиться.
Не пора ли нам вместе сложиться —
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

Лазали мы
По сугробам на лыжах.
С каждым шагом все ближе и ближе
Приближалось свиданье с тобой —
В пивной!

Грипп и склероз —
Это все от кефира.
Не пора ли собраться всем миром,
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

Здесь вам раскоп,
А не в парке гулянье!
Так оставьте все ваши желанья
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной!

Вот, кончим раскоп
Без единого трупа,
Вот тогда соберемся всей группой,
Опрокинем стаканчик-другой —
В пивной!

Выпьем за тех,
Кого нет уже с нами,
Кто лежит под большими столами,
Опрокинув стаканчик-другой —
В пивной!

И, все-таки, черт побери,
Как выпить хочется, братцы!
И не выпить, а просто нажраться!
Опрокинуть стаканчик-другой —
В пивной ⁵⁰!

19. Я потомок хана Мамаю

Песня написана в 1964 г. студентом МГУ В. Бережковым ⁵¹. В Ленинград эта песня, по свидетельству В. А. Назаренко ⁵², была привезена студентами кафедры археологии ЛГУ со Всесоюзной археологической студенческой конференции в Москве и с этого времени прочно заняла свое место в репертуаре многих экспедиций. Примерно в середине 90-х

⁵⁰ В сборнике В. И. Мордвицевой (см. № 1) приводится еще один куплет: Что же вы, шеф, / Нам вина пожалели, / Мы от спирта совсем одурели / И не можем добраться домой — / К пивной!

⁵¹ Благодарю продюсера ООО "Московские окла" Е. В. Вдовина, сообщившего сведения об авторе и времени создания песни.

⁵² В середине 60-х годов — студент кафедры археологии ЛГУ, в настоящее время — кандидат исторических наук, сотрудник ИИМК РАН.

наметился выход песни за пределы археологической среды⁵³. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г. и выверен В. А. Назаренко в 2000 г. в соответствии с тем текстом, который пелся в ленинградских экспедициях в конце 60-х годов.

Я потомок хана Мамая,
Подо мной гарцует конь.
Сколько душ загубил не знаю —
Азиатский в груди огонь.

Заалеет заря на востоке⁵⁴,
Как один встрепенется рать.
Много стран, я не знаю, сколько,
Мне придется еще покорять.

Мне письмо от русского князя.
Обратился ко мне на “ты”!
Растоптал я его по грязи
Под ликующей вой орды⁵⁵.

Но в груди встрепенется демон,
Звон клинков, звериный оскал.
Ятаганом удар по шлему —
Впереди за рекой Москва.

Но часы минутами стали
В суматохе кровавых дел.
С оперенной стрелой в гортани
Я лежу меж кровавых тел.

А ведь жизнь казалась вечной!⁵⁶
Гарцевал подо мною конь,
А в груди моей азиатской
Азиатский горел огонь.

⁵³ Так, она была зафиксирована в субкультуре “ролевиков” (“толкиенистов”).

⁵⁴ В настоящее время устоялся вариант “На востоке заря займется...”.

⁵⁵ Часто при повторе двух последних строк куплета поют: “Два, топтал я его по грязи”, “Три, топтал я его по грязи”. Больше трех повторов не фиксировалось.

⁵⁶ Более распространен и соответствует рифмовке — “А ведь жизнь казалась сказкой...”.

20. Поле Куликово

Эта песня довольно широко известна за пределами археологической среды⁵⁷. Вполне возможно, что и создана она отнюдь не археологами, но не позднее середины 80-х прочно освоена ими, вошла в репертуар многих экспедиций и стабильно осознается, как “своя”. Точной информации о создании песни нет. Публикуемый текст записан в Плюсском отряде Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН (нач. экспедиции Е. А. Рябинин, нач. отряда С. Л. Кузьмин) в 1993 г. и выверен В. А. Назаренко в 2000 г.

Как на поле Куликовом раскричались кулики,
И в порядке бестолковом вышли русские полки.
Как дохнули перегаром — за версту от них разит,
Значит выпили немало, значит будет враг разбит.
Налево — нас рать⁵⁸, направо — нас рать,
Хорошо б с перепоею булавою помахать.

Воевода с красным носом в ратном деле знает толк,
И куда-то по покосам поскакал засадный полк,
Перебрались через реку с криком матом, молодцы,
Знать назад дороги нету, в воду брошены концы.
Налево — нас рать ...

Князь великий Дмитрий русский был одет в одни портки,
Всю кольчугу в пьяной драке разорвали мужики.
Выпил кружку самогона и всюю кричит,
Видно выпил он немало — будет враг разбит.
Налево — нас рать ...

Пересвет с похмелья стремя не поймает, хоть убей,
Из татарского ж из племя вылетает Челубей.
Так сошлась на поле брани с трезвой ратью пьяна рать,
Все допили, все сожрали — больше нечего терять.
Налево — нас рать ...

⁵⁷ Она присутствует в библиотеках М. Мошкова и М. Москвина (Интернет).

⁵⁸ При исполнении обычно стараются акцентировать: “Налево — нас’рать...”.

И когда с утра над полем прокричали кулики,
Разгромили басурманов протрезвевшие полки.
И налево была рать, и направо была рать,
А теперь на этом поле никого уж не видать.
Налево — нас рать ...

21 Орел шестого легиона / Пусть я погиб у Ахерона

Песня появилась не позднее конца 70-х ⁵⁹, и широко распространилась к середине 80-х годов. Исполняется “на предельной громкости”. Публикуется по списку из рукописного сборника А. Поляничко, составленного в 1994 г. в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН.

Пусть я погиб под Ахероном ⁶⁰
И кровь моя досталась псам —
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.

Все так же быстр он и беспечен
И, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдат так быстротечен,
Пусть век солдат так быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.
Пусть век солдат так быстротечен,
Пусть век солдат так быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.

Пот, кровь, мозоли нам не в тягость
На раны плюй — не до того!
Пусть даст приказ Тиберий Август,
Пусть даст приказ Тиберий Август —

⁵⁹ По сведениям Т. Б. Путиловой (СПбГУ), эту песню пели в античных экспедициях в конце 70-х годов. Во всяком случае, те, кто перестал к середине 80-х годов выезжать в экспедиции, ее, как правило уже не знают.

⁶⁰ Этот вариант сейчас наиболее распространен. В конце 70-х и начале 80-х, по сведениям Т. Б. Путиловой, пели “Пусть я давно за Ахероном”.

Мы с честью выполним его.
Отдал приказ Тиберий Август,
Отдал приказ Тиберий Август —
Умри, но выполни его!

Под палестинским знойным небом
В сирийских шумных городах
Калиг солдатских топот мерный,
Калиг солдатских топот мерный
Заставит дрогнуть дух врага.
Предупреждением “Quos ego!”
Предупреждением “Quos ego!”
Заставим дрогнуть дух врага.

Сожжен в песках Ершалаима ⁶¹,
В водах Евфрата закален,
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион.
В честь императора и Рима,
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион.

[Пусть я погиб под Ахероном
И кровь моя досталась псам
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.
Орел 6-го легиона,
Орел 6-го легиона
Все так же рвется к небесам.]

VII. “Северо-Запад”

Песни, более или менее общеизвестные в рамках одного региона, представляют собой как произведения общеактуальной тематики, так и локальные, тематически связанные с породившей их средой. И если в первом случае для более широкого распространения песни нет ника-

⁶¹ По сведениям П. И. Кулакова, первоначально “Сожжен в песках Иерусалима”; строка была “исправлена” позднее, не без влияния романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

ких ограничений, кроме “технических”, во втором распространение песни ограничено известностью/актуальностью событий/лиц, упоминаемых в песне.

22. По речке по Каспле / Гимн оголтелого норманизма

По свидетельству В. А. Назаренко⁶², песня была написана студентами кафедры археологии ЛГУ В. П. Петренко (†1991)⁶³ и И. Г. Портнягиным (†1985)⁶⁴ в 1966 году во время археологической разведки в Смоленской области (т. н. “Касплянская разведка”⁶⁵) и явилась своеобразным откликом на одну из наиболее острых тем научных дискуссий того времени⁶⁶. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г. и выверен В. А. Назаренко в 2000 г.

⁶² Ср.: Лебедев Г. С. *Varangica* проблемного семинара Л. С. Клейна // *Stratum plus*, 1999, № 5, с. 103.

⁶³ Впоследствии — сотрудник ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). О создании песни и ее основном авторе писал также Г. С. Лебедев (в 1966 г. — студент кафедры археологии ЛГУ, руководивший Касплянской разведкой, ныне — доктор исторических наук, профессор СПбГУ): “Показательна судьба одного из первых участников семинара Валерия Петренко (1943—1991). Он пришел с начальной выучкой, полученной у рижских археологов, и фантазмагорической по тем временам мечтою — исследовать самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник, Гробини в Курземе. Курсовые и дипломную работу писал по добытой в “спецхране” БАН немецкой монографии Биргера Нермана (1941 год издания). Четверть века, со скамьи семинара и “Касплянской разведки” Пути из варяг в греки 1966 года (он принес оттуда свой “гимн оголтелого норманизма”, экспедиционную для всех последующих субгенераций песню “Мы по речке, по Каспле идем...”) к собственному исследованию Варяжской улицы и сопки Старой Ладogi, пограничного Ивангорода, в конце концов привели его к курганам Гробини, и вместе с латвийскими археологами он открывает там сенсационно ранние скандинавские памятники... Свой последний полевой сезон он провел на раскопках шведской экспедиции в Бирке, центральном памятнике эпохи викингов” (Лебедев Г. С. *Varangica* проблемного семинара..., с. 103).

⁶⁴ Впоследствии — сотрудник историческо-краеведческого музея г. Калинин (ныне — Тверской государственный объединенный музей).

⁶⁵ См.: Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А. Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и “Путь из варяг в греки” // *Вестник ЛГУ*, 1975, № 14.

⁶⁶ Подробнее о “варяжской дискуссии” 60-х годов см.: Клейн Л. С. Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // *Stratum plus*, 1999, № 5, с. 91—101; см. также: Самойлов Л. (Л. С. Клейн). Перевернутый мир. СПб, с. 15—19.

Мы по речке по Каспле идем,
Мы лапши в рюкзаки напихали,
И для бедных славистов несем
Норманизма седого скрижали.

В деканат, в партбюро, в деканат — В деканат!
Археологи ташутся в ряд.
Это кто-то из наших, наверно,
Языком трепанул чрезмерно.

И в покинутом Клейном ⁶⁷ краю
Тонем в речках мы в поисках брода,
Но в борьбе за идею свою
Сложим кости на благо народа.

В деканат, в партбюро, в деканат...

Не хватаем ни звезд, ни наград,
Только просим, мол, дайте свободы!
Нам приставка чужда “кандидат” — Как кому! ⁶⁸
Мы согласны на хлеб и на воду.

В деканат, в партбюро, в деканат...

Под крутым и свирепым норд-остом,
Тем, что дует сильнее и сильнее,
Не беда, что остался лишь остов
От бесстрашных варяжских ладей.

В деканат, в партбюро, в деканат...

Мы храним свои мысли в ларе
За семью пребольшими замками
И лишь только на смертном одре
Сможем крикнуть: “Победа за нами!”.

В деканат, в партбюро, в деканат...

⁶⁷ Л. С. Клейн, в то время — преподаватель кафедры археологии ЛГУ, в настоящее время — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

⁶⁸ Реплика “Как кому” появилась, по свидетельству Ю. М. Лесмана (в конце 60-х годов — участник школьного кружка при кафедре археологии ЛГУ, ныне — кандидат исторических наук, сотрудник Эрмитажа), в середине 70-х годов, после того, как защитили кандидатские диссертации участники “Каспийской разведки” Г. С. Лебедев и В. А. Булкин.

23. По звездам млечного пути

Песня написана В. П. Петренко при участии В. А. Назаренко и И. Г. Портнягина в 1966 г. во время “Каспьянской разведки” (см. № 21). Исходный текст написан на мелодию популярной песни А. Городничского “У Геркулесовых столбов”⁶⁹. Известна довольно широко и обрела к настоящему моменту значительное количество вариантов текста и мелодии, порой сильно отличающихся от первоначального. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 г. и выверен В. А. Назаренко в 2000 г.

По звездам млечного пути лежит отцов дорога.
По звездам млечного пути мой путь в морях лежит
От родового очага и от друзей далеко,
Туда, где лижет берега лазурная волна.

Здесь, на земле чужих Богов, не властен грозный Один.
Здесь Тор меня не защитит, и Фрея прячет лик,
И только старый добрый меч да щит из бычьей кожи
Отважных викингов хранит от сотен вражьих пик.

Меха Гардарики лесной, коварных греков вина,
Янтарь балтийских берегов, арабов серебро —
Я положу к ногам твоим все украшенья мира,
Пусть только Фрея сохранит твоей любви тепло.

Но путь в Византию далек под небом нелюбимым.
Ты, разлюбив меня, уйдешь⁷⁰ в чужой коварный род.
Тогда все золото свое я замурую в глину,
И пусть один лишь скальд поет о подвигах былых.

По звездам млечного пути легла моя дорога.
По звездам млечного пути дракар⁷¹ в морях лети,
Туда, где нежный юг заснул, не чувствуя тревоги,
Где тускло золото блестит, где смерть мужей косит.
Туда, где слышен брани клич, где жизнь полна тревоги,
Где можно вволю вина пить и королев любить.

⁶⁹ Показательна хронология появления этой песни — всего через год после написания оригинала (Городничский А. М. Острова в океане. М., 1991, с. 62).

⁷⁰ Сейчас чаще поют: “И, разлюбив, жена уйдет...”.

⁷¹ Дракар (дракон) — корабль викингов.

24. Ледовое побоище / Ахтунг, о-ё-ёй

Созданная для легендарного капустника Исторического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ) в 1959 году, к концу 60-х распространяется практически по всем ленинградским экспедициям Северо-Запада. Уникальна тем, что это пока единственная песня, авторский текст которой (автор — Д. Н. Альшиц) опубликован ⁷². Поющиеся ныне варианты значительно отличаются от исходного: это лишний раз доказывает, что перед нами сложившееся фольклорное произведение. Публикуемый текст записан в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1991 году.

Ахтунг, о-ё-ёй, встали мы свиной,
Рыцарской свиной непобедимой.
Магистр впереди, пес-рыцарь позади,
А перед нами лед необозримый.

Мы сошли на лед, мы пошли вперед,
Видим впереди Вороний камень,
А на нем, смеясь, Александр-князь
С псковско-новгородскими ⁷³ полками.

Ахтунг, о-ё-ёй, плохо быть свиной —
Тактика себя не оправдала.
Я услышал: “Хлоп!”, — то оглоблей в лоб
По стальному кумполу попало.

Начался отход, провалился лед,
Дело было пятого апреля.
Я туда-сюда, а кругом вода,
Вот в воде-то мы и погорели.

Плещет полынья, плавает свинья,
Ауфвидерзейн, Вороний камень!
Где стоял, смеясь, Александр-князь
С псковско-новгородскими полками.

⁷² Д. Аль (Д. Н. Альшиц). Восстановление ума по черепу. СПб, 1996, с. 54—55.

⁷³ В некоторых экспедициях поют “с новгородско-псковскими полками”.

Ряд Причерноморских экспедиций ведет свою историю с дореволюционных времен. Многие памятники исследовались или исследуются на протяжении десятилетий. Соприкосновение с “классической” древностью, особый природный колорит Причерноморья ⁷⁴, многолетние (иногда более чем вековые) традиции экспедиций создают прекрасную почву для порождения своего фольклора, в том числе и песенного. К сожалению, в тех экспедициях, в которых нам довелось побывать, песенная традиция довольно молодая: все наиболее интересные песни написаны в последние 15—20 лет и только начали свой путь фольклоризации: от момента их выхода за пределы родной экспедиции прошло иногда 5—10 лет. Тем не менее, помимо принятия этих песен в других экспедициях, наблюдается и незнание носителями авторов, и некоторые расхождения в тексте. Возможно, спустя некоторое время они станут подлинной новой классикой южного археологического фольклора.

25. С одесского архсъезда / Баллада о Фармаковском

В основе этой песни лежит “реальная” история, видимо, неоднократно повторявшаяся на протяжении последних ста лет: бухгалтерия не приняла графу отчета “на водку рабочим”. Исполнители песни называют разные имена, экспедиции и даты, к которым “приурочен” этот конфуз, но сходятся в том, что статью “козакам на водку” (“на водку рабочим”, “на спирт для технических нужд” и т. п.) вычеркнули зря. По свидетельству В. А. Горончаровского ⁷⁵, автор этой песни — Ю. Г. Виноградов (†2000) ⁷⁶ и была она написана в 1985 году (на мелодию старой тюремной песни “С одесского кичмана...”) к 100-летию археологических раскопок на острове Березань. Поселение и могильник VII—II вв. до Р. Х. на Березани считают остатками греческой колонии Борисфен. Упоминаемые в песне лица: Г. Л. Скадовский — в 1900—1901 гг. провел на Березани раскопки около 800 погребений; Э. Р. фон Штерн (Штерновский) — в 1904—1909 и 1913 гг. исследовал остатки жилых и хозяйственных построек поселения на Березани; Б. В. Фармаковский — с 1901 по 1915 гг. руководил раскопками города Ольвия (VII до Р. Х. —

⁷⁴ Благодаря которому еще сильнее ощущается отрыв от городской жизни.

⁷⁵ Кандидат исторических наук, сотрудник ИИМК РАН.

⁷⁶ Кандидат (позднее доктор) исторических наук, сотрудник Института Всеобщей истории РАН (Москва).

IV в. по Р. Х.)⁷⁷. Публикуемый текст записан в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН в 1994 г. и выверен В. А. Горончаровским в 2000 г.

С одесского архсъезда⁷⁸,
С Херсонского уезда,
Из Питера сбежались три алкана.
Один был Жорж Скадовский,
Другой — Эрнест Штерновский,
А третий — дядя Боря Фармаковский.

Сошлись на Ланжероне,
Где продают “Мацзони”,
А водки, боже ж мой, ну нет ни грамма!
Чем хавать макарони
Чухнем до тети Рони —
На самогоне выйдем в море прямо!

Причалили на остров —
Кирнули граммов по сто,
И даже не добрав свою наличность,
Чтобы не жухариться
И зря не фраериться,
Решили хором выявить античность.

Могилки рыл Скадовский,
Землянки — фон Штерновский,
В Ольвии Боря врзал обороты.
Но! Крысы министерские
Подняли кипеж мерзкий:
Бухло, мол, нужно выбросить с отчетов!

Эрнестик, Боб и Жоржик
Воткнули в землю ножик,
Речугу им задвинули такую:
“Вы лепите указы,
А мы линяем с мазы —
Копайте, падлы, сами на сухую!

⁷⁷ См.: Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. Т. 9, М., 1984, с. 33—40.

⁷⁸ VI Археологический съезд России был проведен в Одессе в 1884 г. (См.: Лебсдв Г. С. История Отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб, 1992).

С одесского архсъезда,
С Херсонского уезда,
Из Питера сбежали три алкана.
Лопатку взявши в руку,
Стакан в другую руку,
В России зараз сбацали науку!

26. Тилибомчик .

Песня написана Ю. Г. Виноградовым (см. № 25), ориентировочно в 1984 году. Точный состав напитка, именуемого “тилибомчик”, выяснить не удалось: мнения носителей расходятся и довольно значительно: от аналога “ерша” до замысловатых коктейлей. Публикуемый текст записан в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН в 1996 г. и выверен В. А. Горончаровским в 2000 г.

Мы причалили на этот славный остров,
Чтоб блюсти указ министра,
Но раскапывая древние канистры,
О своих не забывай!

Тилибомчик, тилибомчик,
Тилибомчик наливай! (Наливай!)
Тилибомчик, тилибомчик,
Тилибомчик выпивай! (Выпивай!)

На родосско-ионийской мелкой таре
Рисовали куртизанок,
Но рассматривая прелести гречанок
О своих не забывай!

Тилибомчик, тилибомчик...

На симпозиях, а попросту, на пьянках
Распевали дифирамбы.
Не мешало это сделать бы и нам бы —
Громче песню запевай!

Тилибомчик, тилибомчик...

Хорошо с утра поднявшись спозаранку
Помахать слегка лопатой,
Но заглядывать к начальнику в палатку
Со своей не забывай!

Тилибомчик, тилибомчик...

27. Гимн Мирмекистов

Самая молодая из публикуемых песен: написана в 1990 г. С. В. Швембергером ⁷⁹, М. Р. Давыдовым ⁸⁰ и И. Л. Тихоновым ⁸¹ в соавторстве с Е. А. Виноградовой ⁸² и А. Е. Терещенко ⁸³. Источник песни — существовавшая в 70-е — 80-е годы подтекстовка на мотив марша “Прощание славянки” — “КаГЭБисты поймали мальчонку / Заташили в свое КаГЭБэ...”. Песня стала визитной карточкой Мирмекийской экспедиции (нач. экспедиции Ю. А. Виноградов). “Мирмекистами” называют себя постоянные участники экспедиции последнего по времени состава, сформировавшегося на рубеже 80-х — 90-х (в отличие от “мирмекийцев” — участников Мирмекийской экспедиции середины 80-х). В основе сюжета — реальные истории из жизни лагеря, к середине 90-х ставшие уже экспедиционными легендами. Публикуемый текст неоднократно записан (в том числе и от авторов) в Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН в 1994 и 1996 гг.

Брось в отвал коринфский черепок!

Мирмекисты поймали мальчонку,
Заташили в свой грязный раскоп.
И с лопатой в дрожащей ручонке
Там остался навек остолоп.

Копай, не жалея

Себя и друзей.

Налей нам скорей,

Чтоб всем нам было веселей — Давай, налей!

Заставляли вставать спозаранку,
Посылали на пыльный отвал,
А наутро, вручив ему банку,
Отправляли за пивом в шалман.

Копай, не жалея...

⁷⁹ Директор центра современных искусств при музее СПбГУ.

⁸⁰ Участник Мирмекийской экспедиции, в начале 90-х годов — студент исторического факультета СПбГУ.

⁸¹ Кандидат исторических наук, директор музея СПбГУ.

⁸² Кандидат физ.-мат. наук, преподаватель СПбГУ.

⁸³ Тогда — студент исторического факультета СПбГУ, ныне — сотрудник Русского музея.

Как ты лихо работал лопатою:
Весь раскоп за тобою следил,
А как взялся за стенку проклятую,
Так под камень ногой угодил.

Копай, не жалей...

А в ночи на скале мы сидели,
Наблюдая красивейший вид!
Ну, а ты, перебрав Ркацители,
Падал вниз, как в войну Мессершмит.

Копай, не жалей...

А наутро ставридой пластованной,
Получивши большой раздалбон,
С рюкзаком и палаткой облеванной
Убирался из лагеря ВОН⁸⁴!

Копай, не жалей...

Я поправлю свою амуницию,
На обиду и боль наплевать!
И, желая продолжить традицию,
Приползу на Мирмекий опять!
И буду!

Копать, не жалеть
Себя и друзей.

Налей нам скорей,
Чтоб всем нам было веселей — Давай, налей!

⁸⁴ "Из лагеря вон!" — фраза начальника Мирмекийской экспедиции Ю. А. Виноградова, ставшая притчей во языцех среди участников экспедиции.

ПЕСЕННЫЙ РЕПЕРТУАР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Возможна ли археологическая экспедиция, в которой не поют? Возможна ли встреча археологов, на которой не спели бы или, как минимум, не помянули бы ни одной песни? Ни сталкиваться с такими, ни слышать о них не приходилось. Что поют — вопрос второй, но — поют. Не претендуя на полноту охвата материала, попытаюсь вкратце описать песенный быт археологических экспедиций последних двух-трех десятилетий.

1

Любой субкультуре свойственны специфические черты, характеризующие ее состав, тип отношений с окружающим миром, деятельность ее членов, их общие пристрастия и интересы. При этом одним из наиболее ярких показателей для характеристики субкультуры будет, любят ли петь и что поют входящие в нее люди. И если на первый вопрос довольно легко ответить даже при минимальном знакомстве с жизнью среды, второй требует длительного погружения в нее или детального исследования. *Репертуар*, то есть устойчивый набор регулярно исполняющихся любимых, значимых для данной группы людей песен¹, интересен, прежде всего, для социолога и культуролога, так как позволяет выявить истоки и культурные связи данной общности. Для человека же, не занимающегося исследовательской деятельностью, знакомство с песенным репертуаром дает шанс больше узнать о жизни социальной группы и, возможно, примкнуть к ней.

В настоящий момент представители субкультуры археологов — это не только профессионалы-ученые, но и те, кто из года в год приезжает в экспедицию. Более того, не каждый профессионал может быть сопричастным субкультуре: многие из тех, чья деятельность не требует регулярных выездов в поле, ограничиваются лишь профессиональным общением с коллегами. Важнейшим фактором, характеризующим субкультуру археологов, является обязательное пребывание в полевых условиях. Именно экспедиция, несмотря на то, что продолжается она, как правило,

¹ Следует отметить, что понятие “репертуар археологов” представляет собой, в известной мере, абстракцию: реально существуют репертуары отдельных экспедиций, и лишь наличие в них общих черт позволяет говорить о репертуаре субкультуры в целом.

не более трех месяцев, является средой, определяющей специфику субкультуры в целом, и в частности — особенности ее песенного репертуара. Пребывание в поле роднит археологов с геологами, туристами различных направлений, то есть со всеми, кто выезжает в экспедиции, походы и т. п. Ситуация “поля”² благодаря изолированности, независимости, оторванности от городских проблем не меньше, чем собственно раскопки, привлекает к археологии профессионально далеких от нее людей.

Процесс формирования, пополнения и расширения песенного репертуара также происходит преимущественно в поле. В городе в период межсезонья он пребывает в “законсервированном” виде и практически не изменяется до следующего сезона. Существуют экспедиции, где репертуар остается стабильным в течение многих лет. Фиксирована, закреплена традицией бывает даже последовательность исполнения песен. Как правило, это экспедиции с постоянным ядром коллектива. Встречаются, напротив, случаи, когда репертуар обновляется каждые 2—3 года, но обычно это связано с полной сменой *полевого* состава.

2

Песенный репертуар большинства экспедиций начал формироваться в 50-е — 60-е годы. Этот период современной песенной культуры отмечен двумя важными тенденциями: становлением авторской (самодельной, бардовской) песни и очередным расцветом городского песенного фольклора. И та, и другая традиции в большой степени были представлены в интеллигентской и студенческой среде. И именно эти две традиции стали основными источниками песенного репертуара археологических экспедиций. Однако, разумеется, ими активный репертуар археологов не ограничивается. Назовем основные его составляющие:

1. Песни бардов³. Прежде всего, следует отметить, что, являясь авторскими, эти песни далеко не всегда осознаются таковыми в экспедиции. Авторство многих даже широко известных песен не указывается в сборниках-песенниках и часто не известно поющим. Несмотря на это песни бардов составляют значительную долю репертуара большинства экспедиций. Они привносятся различными участниками экспедиций в соответствии с их собственными вкусами и представляются на суд всей “братии”. Правда, далеко не все из этих песен выдерживают испытание временем и задерживаются дольше одного сезона (см. ниже).

² Городские (выездные) экспедиции не отличаются в этом отношении от собственно полевых: и тем, и другим присущи маргинальность ситуации, общий быт, тесное общение.

³ См., например: Люди идут по свету. М., 1990; Наполним музыку сердца. М., 1989.

2. Общераспространенный городской фольклор⁴. Его роль в репертуаре зависит от возраста членов экспедиции: для старшего поколения песни этой группы связаны со студенческими годами и вызывают конкретные воспоминания, а для молодежи они символизируют нечто “древнее”, причастность к которому доказывается узнаванием и исполнением песни. Часть городского песенного фольклора, усвоенная младшими поколениями вне экспедиции (в том числе, еще в детстве), тоже в значительной мере представлена в экспедиционном репертуаре, но не имеет подобной функции. Случается, что в экспедициях поются и некоторые произведения традиционного фольклора, но выделять их в отдельный источник было бы неправомерно, поскольку все они попадают в репертуар экспедиций опосредованно — через городскую культуру⁵.

3. Песни из кинофильмов, мультфильмов, спектаклей; популярные эстрадные песни. Они чаще исполняются молодежью и могут выполнять функцию средства установления контакта, первичного узнавания в неустоявшихся коллективах, а также использоваться в качестве материала для переделок.

4. В последнее десятилетие-полтора добавились песни, связанные с традицией русского рока. Эти песни редко перерастают пределы одного-двух сезонов, будучи тесно связаны с конкретными исполнителями, и уходят вместе с ними.

5. Собственно фольклор археологов⁶.

3

Формирование, развитие и сохранение песенного репертуара каждого коллектива — сложный процесс, определяющийся рядом факторов. Остановимся на некоторых из них, наиболее специфичных для субкультуры археологов. Важнейшими факторами, влияющими на формирование и степень стабильности репертуара экспедиции, являются:

⁴ См.: В нашу гавань заходили корабли: Песни. Сост. Успенский Э. Н., Филина Э. Н., М., 1995; Как на Дерибасовской...: Песни дворов и улиц. Кн. 1. Сост. Хмельницкий Б., Яесс Ю., ред. Кавторин В., СПб, 1996; Черный ворон: Песни дворов и улиц. Кн. 2. Сост. Хмельницкий Б., Яесс Ю., ред. Кавторин В., СПб, 1996.

⁵ Так, например, срок жизни песни “Черный ворон” в значительной степени был продлен благодаря фильму “Чапаев”; песня “Ой, то не вечер” исполняется Ж. Бичевской и другими эстрадными исполнителями. К тому же “старые песни” сейчас поются, как правило, в “обработанном” виде.

⁶ Подробнее см. статью А. С. Башарина в настоящем сборнике.

1. Состав экспедиции. Археологические экспедиции, как правило, неоднородны по составу: различны возраст, род занятий, внепрофессиональные интересы ее участников, что позволяет репертуару развиваться во многих направлениях. Экспедиции, традиционно привлекающие к работе практикантов из числа студентов или школьников, имеют больше шансов на обновление и пополнение репертуара. “Текучесть” состава экспедиции — немаловажный фактор, влияющий на репертуар. Чем чаще и сильнее меняется состав (и качественно, и количественно), тем полнее обновляется репертуар, но тем менее он долговечен. В более замкнутых коллективах изменения в репертуаре менее значительны, к новым песням предъявляются большие требования, но однажды принятая песня обретает свое место и, как правило, задерживается надолго.

2. Песенные пристрастия начальника или центрального поющего звена экспедиции, которые чаще всего определяют репертуар коллектива и являются основными “ценителями” при отборе новых песен.

3. Песенная мода конкретной экспедиции, сложившаяся в течение нескольких лет ⁷. Хотя, без сомнения, она чаще всего связана с предыдущим фактором, так как общая направленность репертуара избирается именно “духовным ядром” экспедиции — начальником или “певчим”.

4. Личные песенные привязанности участников экспедиции (песни того или иного конкретного автора, туристские песни, рок, народные и псевдонародные песни, “блатные” песни и т. п.). Особенно сильно личные песенные привязанности влияют на репертуар экспедиции в тех случаях, когда в экспедицию выезжает какой-то сложившийся коллектив (например, студенты одного курса).

В результате экспедиция принимает в свой репертуар новые песни при условии, что они удовлетворяют общим требованиям (факторы 2 и 4) и не нарушают основной тенденции формирования репертуара (фактор 3), если таковая имеется. С уходом людей или забвением событий, с которыми связано появление песни в репертуаре, она так же безболезненно исчезает из него, как появилась.

4

Процесс собственно *формирования* репертуара археологов имеет и некоторые другие особенности. Не все песни из перечисленных ранее групп в равной мере представлены в репертуаре экспедиций, не все они имеют равные шансы попасть в него и занять прочное место. Кроме на-

⁷ Так, например, в некоторых экспедициях традиционно принимаются в репертуар песни, построенные на обыгрывании нецензурной лексики и пикантных тем.

званных факторов, при отборе важную роль играет мотивно-тематическая направленность песни. Наиболее распространенные в археологическом репертуаре мотивы можно условно распределить по четырем блокам:

1. Анакреонтические мотивы. Наиболее актуальным из них (что неудивительно) и в полевых условиях, и на городских встречах становится мотив вина и винопития. Нетрудно заметить, впрочем, что он значительно отличается от соответствующего в мировой анакреонте, часто преобразаясь в тему воинствующего пьянства, где центральная фигура пьяницы и кутилы совсем не напоминает мирного и сдержанного анакреоновского выпивоху⁸. Песни с данными мотивами составляют крупнейший пласт и в большинстве своем повторяются в репертуаре многих экспедиций, что способствует сплочению их участников на общих встречах. Песни, входящие в данный блок, поются, как правило, не отдельно, а целыми циклами, сопровождаясь (иллюстрируясь) “возлияниями”, что подчас изменяет их (песни) до неузнаваемости.

Другие анакреонтические мотивы, например, мотивы ухаживания и флирта (на современном материале — и адюльтера), также присутствуют в археологическом репертуаре в ряде комических песен, которые тоже предпочитают исполнять циклами⁹.

2. “Туристские” мотивы, общая идея которых — “мы не в городе”. Показательно в связи с этим присутствие во многих экспедиционных сборниках таких песен, как “Говоришь, чтоб остался я...” Ю. Кукина, “Мне говорят, какой резон...” Б. Вахнюка, “Мы с тобой давно уже не те...” Г. Аделунга и др. При этом туристов в экспедициях, зачастую, “не жалуют”! В сознании исполнителей-слушателей актуализируется все то, что связывает жизнь археолога и туриста (“маргинальность” обстановки, трудности быта, чувство локтя, оппозиционность городу и пр.), а все специфические черты (лавины, перекаты, страховка) или воспринимаются как поэтический прием, дань романтике¹⁰, или отвергаются. В результате в репертуаре остаются те туристские песни, в которых собственно туристская экзотика минимальна.

⁸ Ср.: типично анакреонтическую песню “Султан” (№ 4) — “В одной руке держу бокал, / Да крепко, чтобы не упал...” — и, скажем, любимую в экспедициях песню “Черт побери” (№ 18) — “Черт побери, выпить хочется, братцы, / И не выпить, а просто нажраться...”. Здесь и далее — ссылки на номера песен в разделе “Песни археологических экспедиций” настоящего сборника.

⁹ “Мезозойская культура” (№ 11), “Мама, а я летчика люблю”, “Барышня” (“Вай-вай”), “Мадам Анжа” и др.

¹⁰ Это справедливо в том случае, если археолог не является еще и туристом.

3. *Историческая тематика.* Песни этого блока в сознании исполнителей-слушателей разделяются на две группы: с одной стороны, это песни о различных исторических событиях или личностях вообще¹¹; с другой — песни, соотносимые по тематике непосредственно с местом и объектом раскопок¹².

4. *Песни, объединенные фигурой маргинального героя.* Чаще всего — это моряк, пират¹³, бродяга, солдат, ковбой. Думается, привилегированное положение таких песен в репертуаре археологов связано все с той же оппозиционностью главного героя окружающему миру.

5

Что касается *функционирования*, жизни песен в археологических экспедициях, то следует признать, что, с одной стороны, оно практически полностью подчинено закономерностям, общим для современного городского активного песенного репертуара в целом, и, с другой — законам функционирования песен в субкультуре не строго замкнутого характера. Так, не чуждо репертуару археологов явление циклизации песен, весьма характерное для современной городской песенной культуры. Из особенностей функционирования песен, общих для ряда субкультур, следует назвать заметное противопоставление “своя” — “не своя” песня и вытекающее отсюда ревностное отношение к первым и настороженное — ко вторым.

Помимо тематического признака, являющегося основанием как отбора, так и циклизации, песни в сознании носителей могут складываться в группы по схожести формы, ситуации и особенностей исполнения, культурных коннотаций, связанных с песнями и т. д.

Формальный признак, как основа циклизации, в чистом виде для археологической среды не характерен¹⁴. Можно наметить лишь отдельные частные особенности формы, влияющие на объединение песен. Умест-

¹¹ Исторические циклы песен А. Городницкого и А. Галича.

¹² Античные мотивы песен в крымских экспедициях: “Во славу Греции твоей...” М. Щербакова; “Остров Хиос, остров Самос, остров Родос” А. Городницкого и др.

¹³ Огромный пласт пиратских и морских песен различного происхождения, без которого не обходится ни один археологический по происхождению сборник и ни одно застолье.

¹⁴ В некоторых субкультурах имеют место циклы, объединенные по чисто формальным признакам. Например, такая сугубо формальная особенность, как ритм и размер песни, является определяющей у туристов-водников при выборе “песни под весло”.

нее говорить, например, о сходных особенностях исполнения, как объединяющем факторе (помня о том, что некоторые из этих особенностей являются признаками формальными).

Будучи важнейшим средством общения, особенно в полевых условиях, песня выполняет в коллективе интегрирующую функцию. Поэтому неудивительно присутствие большого числа песен, рассчитанных на хоровое исполнение, или приспособленных для него. Конечно, одна и та же песня может по-разному исполняться в разных коллективах в силу сложившейся в них традиции¹⁵, но такие группы, как “кричалки” или “застольные песни” присутствуют в репертуаре многих экспедиций¹⁶. Данные группы песен интересны даже не составом, а функцией в репертуаре, причем не только археологическом. В экспедиции они могут исполняться по дороге (например, на раскоп или к лагерю), во время работы, а также (и в основном) в последний или кульминационный момент застолья (посиделок у костра), когда важен сам процесс пения, а песня подходит уже любая. Необходимым условием отбора, следовательно, будет только известность песни всем присутствующим и возможность ее совместного исполнения. Кроме того, объединяющую функцию при исполнении этих песен могут выполнять и невербальные компоненты: ритмичное постукивание кружками, коллективное раскачивание в такт песне, элементы пантомимы, маргинальные выкрики¹⁷ и т. д.

6

Таким образом, песенный репертуар археологов в целом довольно широк и имеет лишь небольшое количество специфических черт, связанных с профессией. Принципы формирования и развития репертуара подобны тем, которые характерны для других аналогичных субкультур. Специфические особенности могут появляться, впрочем, в каждой отдельной экспедиционной традиции, но обусловлены они не столько родом занятий, сколько спецификой экспедиционной жизни и традициями конкретного коллектива.

¹⁵ Песня “Фудзияма” (№ 14) в античных экспедициях — хоровая, в северо-западных — сольная, причем, не рассчитанная на громкое исполнение.

¹⁶ Самими носителями эти группы могут и не осознаваться, их состав может быть различен, но присутствие в репертуаре в том или ином виде почти обязательно.

¹⁷ О маргинальных репликах в процессе исполнения песен см.: Башарин А. С. Маргинальные реплики и диалогические включения в текстах нового и новейшего песенного фольклора // “Юрьевские чтения”: Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. СПб, 1999, с. 133.

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Если попытаться воспринять заголовок этого очерка в терминологическом смысле (не как метафору или образное выражение), то сама постановка вопроса может показаться странной. В общераспространенном, “бытовом” понимании фольклор — это устное народное творчество, к тому же древнее. *Устное*, значит существовавшее у неграмотного населения и потому бытовавшее исключительно изустно. *Народное* означает, во-первых, что автора у конкретного текста нет — это продукт вековой коллективной работы, а, во-вторых, что писали эти вещи те, кого принято называть народом — крестьяне, в крайнем случае, рабочие. Ну, и наконец, понятие *творчество* предполагает, что рассматриваемые произведения — реализация чьего-то (здесь — народного) намерения создать нечто ценное в художественном отношении, эстетически значимое. Последний критерий в таком понимании иногда, к сожалению, дает возможность субъективных оценок: обязательная художественная ценность предполагает, что внимания заслуживают исключительно шедевры народной словесности, а не всякие кустарные поделки. И вопрос, достойно ли данное произведение называться *творчеством* (а следовательно, достойно ли оно изучения), оставляется, таким образом, на произвол исследователя, руководствующегося “общепризнанными”, а чаще — собственными субъективными эстетическими взглядами¹.

Что представляют собой рассматриваемые песни? Археологи — люди, в основном, образованные, в неграмотности их заподозрить трудно. Письменная фиксация в среде бытования тоже налицо: в каждой экспедиции хоть у кого-то да найдется тетрадошка с текстами любимых песен. С критерием коллективности/безавторности тоже проблемы: в половине случаев автор или известен, или установим. Художественности во многих песнях строгий ценитель также не усмотрит: содержание неглубо-

¹ Так, в начале XX в. частушка воспринималась как знак деградации Большого Фольклора, а потом долгие годы оставалась жанром второго сорта. Целые пласты фольклорных произведений (например, эротического характера) и даже целые жанры (например, анекдот) получили признание лишь в последнее десятилетие.

кое, подчас сомнительное ², форма во многих случаях вторична ³. Да и вообще, профессиональные ученые-археологи, интеллигенты-участники экспедиций (не связанные с археологией по своей специальности), в крайнем случае, студенты — это совсем не тот *народ*, который принято считать *носителем* фольклора. Очевидно, что либо рассмотрение данного материала как фольклорного неправомерно, либо требуют уточнения сами критерии фольклорности.

В современной фольклористике, несмотря на отсутствие нового единого, скорректированного определения фольклора, существует большое количество наработок по уточнению и расширению критериев фольклорности. Не вдаваясь в пространный обзор существующих теоретических точек зрения, отмечу лишь те моменты, которые важны для презентации данного материала.

Применительно к песням главным и единственным необходимым ⁴ критерием фольклорности является, на мой взгляд, их *бытование*, предполагающее линейную, цепочную передачу произведения от носителя к потенциальному носителю ⁵: исполнитель 1 — слушатель (2) ⇒ исполнитель 2 — слушатель (3) ⇒ исполнитель 3 и т. д. Самый характерный вид такой передачи — в процессе непосредственного коммуникативного акта: исполнитель поет песню, слушатель запоминает и сам становится способен воспроизводить ее в меру своего исполнительского таланта. Реально этот процесс происходит несколько иначе: либо исполнений должно быть несколько (чтобы успеть запомнить), либо запоминание идет с опорой на записанный текст. Возможен и опосредованный вариант, когда потенциальный носитель воспринимает песню с магнитофона

² Для примера изложу содержание песни “Поле Куликово” (№ 20; здесь и далее — ссылки на номера песен в разделе “Песни археологических экспедиций” настоящего сборника): русская дружина перепилась, наших с перепоею, естественно, тянет подраться, потому и победили.

³ Многие из наиболее распространенных песен — переделки.

⁴ *Локальные песни* (см. ниже) часто не обладают этим признаком, но они и не являются в строгом смысле песенным фольклором, представляя собой промежуточное явление, ту почву, на которой нередко и вырастает “стопроцентный” фольклор. Тем не менее, фольклорные их черты настолько заметны, что рассматривать локальные песни следует, на мой взгляд, именно в ряду песен фольклорных.

⁵ Перефразируя остроумное выражение Яна Брунвальда: “folk — это кто угодно, у кого есть фольклор” (Цит. по: Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб, 1994, с. 44), — можно сказать: фольклор — это все, что *бытует* (линейно передается) у какого-то folk’a.

или другого звукозаписывающего устройства. Но для археологических песен он не характерен. С понятием линейной передачи непосредственно соотносятся, применительно к данному материалу, такие классические, выведенные для “старого” фольклора признаки, как *коллективность* и *традиционность*. Переходя от одного носителя к другому и видоизменяясь в процессе этого перехода, произведение становится *коллективным*, “народным”. В границах одного произведения цепочка “воспроизведение — восприятие — запоминание — дальнейшая передача”, как раз и образует *традицию*.

Следствием линейного распространения песни будет и другой важный признак фольклорности — *вариативность*, причем вариативность всех трех составляющих песни: текста, мелодии и особенностей исполнения. Вариативность — это, пожалуй, самый яркий внешний показатель фольклорности. Сталкиваясь с произведением вне реального бытования (например, встретив текст песни в составе песенника), только по сопоставлению с другими известными вариантами можно безошибочно установить ее фольклорный характер.

Степень вариативности произведения может быть различной, но чем она выше, тем более характерный пример *фольклорного произведения* перед нами. Нулевая вариативность песни — явление почти немыслимое. Даже автор не в состоянии точно воспроизвести свое произведение — что-то в исполнении всегда будет отличаться. Кроме того, вариативность в исполнении — вещь вполне нормальная и при нелинейных способах передачи (например, при воспроизведении с нотной и текстовой записи). То же, в меньшей степени, можно отнести и к мелодии. Поэтому в дальнейшем, говоря о вариативности, ограничусь только текстовым аспектом.

Еще одним важным фактором, позволяющим рассматривать ту или иную песню как фольклор, является психологическая установка носителей. отношение к песне. Современный носитель-горожанин, воспитанный на *авторских* произведениях, распространяющихся нелинейно⁶, более знаком с моделями отношения именно к таким произведениям. Эти модели как раз и включают в себя установки на обязательную художественную ценность воспринимаемого, неизменность элементов произведения. Сюда же относятся и абсолютное господство восприятия над порождением/сопорождением, отношение к измененности элемен-

⁶ Через посредство печатных изданий, аудио и видео записей: автор ⇒ носитель информации (книга, аудио или видео запись) ⇒ реципиент 1 (2, 3, ...).

тов произведения, как к дефекту, порче (которые, подразумевается, лучше исправить) и ряд других установок.

Творчество субкультур, микроколлективов в сознании их членов нередко противопоставлено общекультурному художественному наследию и даже вступает с ним в оппозиции типа “свое-чужое”, не лишённые, подчас, оценочности. В отношении всех произведений, попадающих в разряд “своего”, общекультурные установки оказываются ослабленными. Так, текст песни воспринимается не только и не столько как художественное произведение, но как вид коммуникативно необходимого сообщения. “Кто бывал в экспедиции, / Тот поет этот гимн” (см.: № 16) — это не просто строчка, а самоидентификационное утверждение, под которым и в другой формулировке подпишется каждый из поющих⁷: “Это мы были в экспедиции, это мы можем (имеем право) так петь”, и, в конечном счете, — “это песня *наша* и про *нас*”. “Свой” текст позволяет и несколько большую свободу оперирования: важным является, в первую очередь, сообщение, а форма, за исключением особенно удачных фрагментов, оказывается не столь важна. Именно такое специфическое отношение к “своим” песням и является, на мой взгляд, наиболее веским аргументом в пользу рассмотрения *локальных песен*⁸ как фольклора, а также объясняет, почему сами носители их нередко называют фольклором⁹.

Тем не менее, инерция общекультурной модели отношения к авторским произведениям тоже довольно сильна, и среда, по возможности, старается сохранять стабильный (исходный или псевдоисходный) текст и имена авторов¹⁰. Постоянная борьба “художественно-культурной” и

⁷ Кстати, потому-то и существуют различные варианты этого куплета: “*Кто бывал в экспедиции, / Тот поет этот гимн, / И его, по традиции, / Мы считаем своим*”, или “*Мы его, по традиции, / называем своим*”. Программная, значимая часть (курсив) остается неизменной, а менее значимые, “языковые” части легко подвергаются изменениям при условии, что смысл не изменяется и размер не нарушен. Наличие таких слабых и сильных полей, “художественных” (смысл + форма) и “языковых” (только смысл при относительном безразличии к форме) фрагментов в целом характерно для современного городского песенного фольклора.

⁸ Песни, созданные внутри ограниченного коллектива и связанные тематически с его жизнью.

⁹ Достаточно упомянуть сборник “Фольклор Новгородской археологической экспедиции” (Новгород, 1992), состоящий исключительно из локальных песен.

¹⁰ Публикуя тексты песен, приходится испытывать двойное чувство: одновременно и знакомишь читателя с интересным явлением, и, к сожалению, не-

“фольклорной” моделей отношения к песням, творение и со-творение “своих” песен, исполнение их в различные моменты жизни коллектива — все это и создает то интереснейшее явление, которое можно назвать песенным фольклором субкультуры, в частности, песенным фольклором археологов.

Исходя из сказанного, песенным фольклором археологов (в широком смысле) имеет право называться любая песня, бытующая в их среде, при условии, что она уже прошла цепочку “исполнитель — слушатель ⇒ исполнитель” и воспринимается как “своя”¹¹. Под такое определение попадет, разумеется, и бытующий в экспедициях городской песенный фольклор¹², в основном, — фольклор интеллигенции. Однако описание городского фольклора в целом — отдельная тема, поэтому в дальнейшем речь пойдет о песенном фольклоре археологов в узком смысле — о тех песнях, которые являются специфическими, характерными и репрезентативными для данной субкультуры, то есть — о песнях, которые отличают фольклорную составляющую песенного репертуара именно этой среды.

Когда в археологических экспедициях¹³ начали появляться свои песни, не встречающиеся или почти не встречающиеся в общем городском репертуаре, сказать трудно. Уверенно можно говорить о первых послевоенных годах; возможно, какие-то песни создавались еще в тридцатые годы. Наличие традиции в более раннее время маловероятно, так как, помимо всего прочего, в работах было задействовано слишком мало заинтересованных людей и слишком много случайных. В послевоенный период возрастает и число профессионалов в экспедициях, и число сторонних энтузиастов, несколько лет подряд выезжающих в поле. Становятся регулярными выезды в поле практикантов из числа студентов и школьников. Отсутствие стабильного финансирования экспедиционных

посредственным образом на него влияешь, утверждая нефольклорную модель жизни песен.

¹¹ Для локальных песен, как уже отмечалось, достаточно второго критерия.

¹² Включая, естественно, и фольклоризованные авторские произведения. Подробнее о городском фольклоре в археологических экспедициях, а также песнях, фольклоризации которых по разным причинам (например, из-за широкой известности автора и авторского варианта) не происходит или почти не происходит, см. статью М. В. Вениг в настоящем сборнике.

¹³ Подробнее о феномене *экспедиции*, “поля” и его влиянии на формирование песенного репертуара см. в упомянутой статье М. В. Вениг. Добавлю лишь, что именно в экспедиции не только живут, но и *возникают* археологические песни.

работ вело (а в настоящий момент — привело) к прекращению практики найма рабочих на раскопки. Таким образом, в экспедициях все чаще возникала критическая масса заинтересованных творчески активных людей, готовых к поддержанию традиции.

Как и всякая другая крупная субкультура, “археологи” — понятие абстрактное, реально — это сумма отдельных коллективов, экспедиций. Многолетние экспедиции могут иметь на протяжении своей жизни даже несколько составов, иногда сильно отличающихся друг от друга по характеру общения и творчества. Именно многолетняя экспедиция с устойчивым (на какой-то период) ядром коллектива и является основной средой, в которой формируется археологический фольклор.

Круг общепалеолитических песен невелик¹⁴. В самом своем широком виде он едва ли насчитывает десяток текстов. Примерно таково же число песен, общих для экспедиций одного региона (южные “античные” экспедиции, северо-запад и т. д.)¹⁵. Основная же масса — локальные песни, известные, как правило, лишь в одной, максимум — в двух-трех экспедициях.

Интересно, что из числа широко распространенных археологических песен лишь считанные единицы посвящены собственно археологам и археологии (напр.: № 16, отчасти, № 18)¹⁶. Археологическая жизнь и быт составляют основное содержание локальных песен (напр.: № 22, 25, 26, 27), но они редко получают распространение хотя бы в рамках региона. Большинство общепалеолитических и “региональных” песен — песни исторической тематики, с археологией не связанные вовсе (или связанные лишь на уровне частного упоминания). Таковы песни “Там, за Танаис рекой...” (№ 17), “Я потомок хана Мамая” (№ 19), “Поле Куликово” (№ 20), “Орел шестого легиона” (№ 21) и др. Объяснение этого парадокса состоит в том, что мир истории, с которым происходит профессиональное общение, субъективно оказывается составляющей мира субкультуры археологов. Песни исторической тематики, особенно близкой к объекту раскопок, неизменно идентифицируются, как “свои”. В качестве еще одной “профессиональной” особенности можно отметить тот факт, что археологические песни довольно однородны по своей

¹⁴ В этом они подобны, например, студенческим песням: общих песен не так уж много, но отдельные локальные и узколокальные традиции дают богатый материал.

¹⁵ В первую очередь речь идет об экспедициях петербургских. Песенные традиции московских и местных археологов могут иметь с ними еще меньше точек совпадения.

¹⁶ Для сравнения: содержание большинства наиболее известных *туристских* песен укладывается в схему “дорога и мы в дороге”.

форме: вне зависимости от тематики большинство из них тяготеет к сюжетной структуре. Быть может, событийно-фабульное мышление — тоже составляющая мира археологов? Довольно характерна для археологических песен и особая любовь к комическому аспекту рассмотрения всех интересующих (исторических и археологических) тем, в чем сказывается несомненное родство археологических и классических студенческих песен. Песни “Поле Куликово” (№ 20), “Ахтунг! О-ё-ёй!” (№ 24) по характеру своего комизма очень близки “литературному циклу” (ср.: № 9—10). Мы имеем дело, по сути, с той же травестийной переработкой общеизвестных, культурно значимых (если не сказать культовых) сюжетов. Разница лишь в том, что сюжеты здесь, в соответствии с профессией, не литературные, а исторические.

Особый пласт в репертуаре практически каждого творчески активного коллектива — *локальные песни*. Под *локальными* понимаются песни, возникшие в ограниченном коллективе, тематически связанные с его жизнью и неактуальные за его пределами ¹⁷.

Практически в каждой экспедиции рано или поздно находятся люди, пробуящие в песне запечатлеть какие-то эпизоды полевой жизни. Во многих экспедициях есть свои “придворные” авторы или даже коллективы авторов, от которых каждый сезон ожидают исполнения старых хитов и создания новых. Все наиболее репрезентативные локальные археологические песни возникают исключительно в экспедиции, под воздействием воспоминаний, по следам событий из экспедиционной жизни. То есть в отличие от общеархеологических, они непосредственно связаны в области сюжетов, тематики, а зачастую и лексики с профессиональной спецификой ¹⁸.

Локальные песни уже давно называют фольклором ¹⁹, что, в общем, логично, хотя для того, чтобы стать “чистым” фольклором этим песням обычно не хватает их короткого периода жизни: с распадом, сменой коллектива они забываются, точнее — выходят из активного употребления, и таким образом, оказываются не в состоянии пройти цепочку

¹⁷ Говоря о *локальности*, я имею в виду не территориальные границы бытования, а лишь необщий его характер, обусловленный спецификой возникновения и тематики.

¹⁸ Весьма репрезентативным для песен этого рода является уже упоминавшийся сборник “Фольклор Новгородской археологической экспедиции”, состоящий практически исключительно из узколокальных песен.

¹⁹ В большинстве своем именно локальным был фольклор Гражданской и Великой Отечественной войн, исследованием которого активно занимались в советское время.

“исполнитель — слушатель ⇒ исполнитель”. Широкого распространения эти песни не получают прежде всего в силу того, что за пределами коллектива описанные в песне эпизоды его жизни становятся неактуальными. При отсутствии устойчивой линейной передачи вариативность в них скорее исключение. Тем не менее, именно они нередко воспринимаются как наиболее “свои” и неосознанно воспринимаются не как художественный, а как прагматический текст. По форме подавляющее большинство локальных песен вторично. Это и переделки известных песен, и подтекстовки на популярные мелодии²⁰, иногда встречаются даже переделки “второго порядка”, то есть — переделки переделок²¹. В качестве материала для переделок, в первую очередь, идут песни популярные в данной экспедиции. Вторичность этих текстов вовсе не обозначает их обязательный пародийный характер. Это могут быть вполне серьезные произведения, но чаще всего повествование о полной превратности жизни экспедиционного коллектива без юмора не обходится.

Как правило, существуют такие песни не по одиночке, а в виде целых циклов, “обойм”, “пакетов”, группирующихся на основе общности реалий и персонажей. Почти обязательным элементом в пакете таких песен является упоминание фамилий членов экспедиции, в первую очередь, конечно, начальника и наиболее активных участников экспедиционного общения, нередко и из числа сочинителей. На одном уровне по частотности с персоналиями стоит топонимическая привязка — упоминание мест проведения раскопок (области, города, рек, озер и т. д.), объектов раскопок (городища, кургана и т. д.); несколько реже — упоминание прочих местных объектов (магазинов, питейных точек, транспорта и т. д.). Распространенной разновидностью употребления топонимов и персоналий является использование в тексте имен нарицательных, которые в сознании исполнителей и реципиентов имеют вполне конкретное значение. Так, руководитель экспедиции часто фигурирует как “начальник” или даже просто “он”. В отдельных случаях замена конкретного названия, фамилии на родовое понятие является свидетельством начала дальнейшей фольклоризации песни, процесса потери локальных черт.

Информация о том, кто и что имеется в виду в той или иной песне, возводит владеющих ею в особый ранг “бывалых”, “посвященных”. Эта

²⁰ Различие между переделкой и подтекстовкой в использовании или неиспользовании текста оригинала: переделка использует синтаксические конструкции, рифмовку, целые блоки текста-оригинала, подтекстовка задействует только ритм мелодии, не воспроизводя элементов текста исходной песни.

²¹ Например, “Гимн мирмексистов” (№ 27).

информация ни в коем случае не является закрытой, напротив, исполнитель или кто-то из “стариков” с удовольствием разъяснит, что к чему. Будут рассказаны и все истории, ставшие сюжетной основой песни. Точно так же, если слушающий не является профессионалом, ему подробно разъяснят значение всех специальных слов, терминов и нюансов (например, почему неправильно петь “Акинаком рубану по античной роже”, а правильно — “Акинаком исколю всю античну рожу” (№ 17): говорят, что акинак — это не рубящее, а колющее оружие). Нередко рассказы о песне по времени рассказывания значительно превосходят исполнение самой песни, а степень их отточенности в процессе многократного изложения позволяет говорить об особом жанре — “посвятительном рассказе о песне”. В такой же “рассказ о песне” может включаться и информация об авторе, и история создания песни, нередко легендарного характера.

Выстраивая каркас песенного мира на топонимах, персоналиях, реалиях и атрибутах профессионального быта, локальный фольклор археологических экспедиций мало чем отличается от локального фольклора других микроколлективов. Подобно судьбе локальных песен других субкультур и судьба археологических локальных песен: фольклоризируясь и теряя конкретику, они могут перерасти среду, в которой возникли, и значительно расширять сферу своего бытования (становиться общерегиональными или общеархеологическими). В большинстве же случаев такие песни остаются достоянием памяти членов коллектива, в котором они возникли.

В заключение хочется отметить, что в настоящий момент некоторые наиболее известные археологические песни уже выходят за пределы этой субкультуры, обогащая современный городской песенный фольклор. В последние годы такие песни, как “Там, за Танаис рекой...” (№ 17), “Орел 6-го легиона” (№ 21) и некоторые другие все чаще фиксируются, например, в среде ролевиков (толкиенистов), униформистов и в некоторых других субкультурах. Песня “Там, за Танаис рекой...” прозвучала недавно в одном из выпусков телепередачи “В нашу гавань заходили корабли...” и стала, таким образом, достоянием поистине всероссийским²².

²² Справедливости ради следует отметить, что исполнена она была все же бывшей участницей археологической экспедиции и в кратком варианте.

ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ПЕСЕН В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ

*Песни Псковской экспедиции Эрмитажа*¹

В 60-е годы Псковская экспедиция Эрмитажа была “поющей”, хотя пели и не слишком часто: сказывалась специфика городских раскопок — отсутствие такого важного элемента экспедиционной жизни, как “вечера у костра”. Пели в эрмитажном автобусе по пути из Питера в Псков и обратно, пели на привальной-отвальной и “в дни рождения”, много пели 15 августа². Гитаристов не было, поэтому пели “а капелла”. Отмечу особенность экспедиции 60-х годов: крайне редкое употребление горячительных напитков. Это, разумеется, не означает, что в экспедиции был сухой закон, однако алкоголь в застольях бывал не часто и в ограниченных количествах. Может быть, поэтому в 60-е годы “питейный” цикл песен не был развернутым.

Пели “народные” и “военные” песни (в том числе — песня “Забьем козла, браточки”, которую я больше нигде не слышал³). Из так называемых “лагерных” песен помню “Таганку”, “Ванинский порт”, “Суша-

¹ Псковская экспедиция Эрмитажа основана в 1954 г. Григорием Павловичем Гроздиловым (1905—1962), с 1963 по 1992 г. ее руководителем был мой отец, Василий Дмитриевич Белецкий (1919—1997). Школьником я бывал в Псковской экспедиции Эрмитажа с 1962 по 1970 г., работал в составе экспедиции с 1971 по 1992 г. (с перерывами).

² Неофициальный, хотя и празднуемый в большинстве экспедиций страны день археолога.

³ Из текста помню только припев и один куплет:

Забьем козла, козла, браточки,
Забьем само собой.

Эх — стукнем раз, стукнем два, точка,
Забой.

Летит козел над Арктикой (Балтикой?),

А ну, козел, пожалте-ка!

Летать козлам — ведь это не с руки.

И за скотиной бляющей

Летят полетом бреющим

Советские морские ястребки.

рики”⁴, из студенческой классики — “Там, где Крюков канал” (№ 3)⁵, “По рюмочке, по маленькой” (№ 2)⁶ и “В скучные минуты Бог создал

⁴ В сборнике “В нашу гавань заходили корабли” вариант текста опубликован под названием “Письмо”, см.: В нашу гавань заходили корабли. М., 1995, с. 90.

⁵ Здесь и далее даются ссылки на номера песен в разделе “Песни археологических экспедиций” настоящего сборника.

⁶ Две другие песни из этой “обоймы”, “Крамбамбули” (№ 1) и “Султан” (№ 4) отчетливо соотносятся в памяти только с экспедицией середины 60-х. Отмечу, что в те годы “Крамбамбули” пели в экспедиции в ином варианте, по сравнению с вариантом, публикуемым Башаринными:

Крамбамбули, отцов наследство,
Любимое питье у нас, у нас.
Оно излюбленное средство,
Когда взгрустнется нам подчас, подчас.
Тогда с утра и до зари,
Мы пьем, мы пьем крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
Эх, черт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

Когда случится мне заехать
На старый постоялый двор, на двор,
Я даже не садясь обедать
К бутылкам устремляю взор, свой взор.
Тогда всю ночь и до зари
Мы пьем, мы пьем крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули...

Когда мне изменяет дева,
Недолго я о том грущу, не грущу.
В порыве яростного гнева
Я пробку в потолок пушу, пушу.
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули...

Когда бы я был царем на троне
И всей вселенной управлял, управлял,
На золотой своей короне
Такой девиз бы начертал, начертал,

институты” (№ 5). Пели также студенческие гимны — “Раскинулось поле по модулю пять”⁷ и “Тот, кто физиком стал”.

Среди песен, устойчиво ассоциирующихся с началом 60-х, были “Бабка Любка”, “Чемоданчик”, “Двадцать метров крепдешина”, “Кровать со фигурными шишками”, “Расцвела сирень в моем садочке”, “Жора, поддержи мой макинтош”, “Четырнадцать французских моряков”, “У девушки с острова Пасхи”, “Есть в Батавии маленький дом”⁸, а также песни, привезенные В. Д. Белецким в Псков вместе с “саркельскими песнями” (“Гипопотам”, “Перепетуя”, “Сюзанна”, “На острове Таити”)⁹.

Что:

А-бе-ве-ге-де-е-же-зе,
И-ка-ле-ме-не-о-пе-ре,
Эс-те-у-фе-ха-це-ша-ша-э-ю-я —
Где ж ты, милая моя?

За милых женщин, черт возьми,
Мы пьем, мы пьем крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули!

За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

Эй, черт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

⁷ В дополнение к тексту, опубликованному в сборнике песен МИФИ (Но мы еще не старики, мы инженеры-физики: Сборник песен. М., 1992, с. 23), пелся еще один куплет (последний): “Марксизм свое веское слово сказал: / Материя не исчезает. / Загнется студент — на могиле его / Огромный лопух вырастает”.

⁸ В опубликованном варианте текста (В нашу гавань..., с. 211) отсутствует припев “Дорога в жизни одна, / Ведет всех к смерти она; / Днем раньше, днем позже умрем — / Так выпьем и снова нальем!”, а вместо привычной мне “Батавии” в первой строке стоит “Италия”. Есть и некоторые мелкие различия в тексте.

⁹ “Саркельские песни” — от названия хазарской крепости Саркел на Дону, раскопки которой проводила Волго-Донская экспедиция ИИМК АН СССР в 1949—1951 гг. (нач. экспедиции М. И. Артамонов). Сведения о песнях Волго-Донской экспедиции и, в том числе — о собственно “саркельских песнях” (см. ниже), любезно предоставлены участником экспедиции Р. Ш. Левиной (сотрудник библиотеки ИИМК РАН).

Конечно, пели “Бригантину” Павла Когана¹⁰. Думаю, что пелись многие из этих песен и раньше (по крайней мере с конца 50-х), хотя уверенно утверждать не берусь. Часто пели “В пещере каменной” (на мелодию “Арии варяжского гостя”), причем привычный мне текст и рефрен заметно отличаются от вариантов этой песни, певшихся в застольях 90-х и даже 80-х годов (ср.: № 8):

В пещере каменной

В пещере каменной нашли наперсток водки,
Комар зажареный валялся на песке.

Ели. Пили. Мало.

В пещере каменной нашли чекушку водки,
Цыпленок жареный валялся на песке.

Ели. Пили. Мало.

В пещере каменной нашли поллитру водки,
И целый окорок валялся на песке.

Ели. Пили. Мало.

В пещере каменной нашли боченок водки,
Барашек жареный валялся на песке.

Ели. Пили. Мало.

В пещере каменной нашли цистерну водки,
И слон зажареный валялся на песке.

Ели. Пили. Мало.

В пещере каменной нашли источник водки,
И стадо мамонтов паслось невдалеке.

Ели. Пили. Норма.

¹⁰ Кажется, тогда это была единственная (по крайней мере — одна из немногих) песня, автор которой был известен исполнителям и слушателям. В начале 70-х “Бригантина” пелась в Псковской экспедиции уже с некоторыми изменениями в тексте (“Пьем за яростных, за *непокорных*”, “Люди Флинта *гимн морям* поют”) и с включением “новодельного” куплета: “Боцман вскрикнул и свалился с борта, / Ядра шлет фрегат сторожевой. / Наплевать на бога и на черта / Бригантина принимает бой”. Кажется, этот куплет привезла в Псков выпускница Калининского (ныне — Тверского) университета Лариса Царькова. Сейчас Л. А. Попова — нач. комитета по охране памятников истории и культуры Администрации Тверской области.

Не часто, но пели “Мадагаскар”. Сейчас я уже не могу припомнить текст, который пелся в 60-е годы, поэтому воспроизвожу его в том виде, в котором эту песню пели в экспедиции позднее — в конце 70-х и в 80-е годы ¹¹:

Мадагаскар

Чутко горы спят, Южный крест залез на небо,
Спустились с гор в долины облака.
Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был —
В таинственной стране Мадагаскар.

Наш бесшумный шаг, чуть колышутся лианы.
Ведь мы со всех сторон окружены.
Осторожней, друг, даль подернулась туманом —
Сними с плеча свой верный карабин.

Мы спустились с гор и вошли с тобой в таверну,
Где старый негр разливал коньяк.
Осторожней, друг, ведь порой бывает скверно
Тому вдвойне, кто выпить не дурак.

Помнишь южный порт, и накрашенные губы,
И купленный за доллар поцелуй.
Осторожней, друг, эти ласки слишком грубы —
Беги от них и сердце не волнуй ¹².

Южный крест погас, в золотых потоках небо,
И скоро солнце встанет из-за скал.
Осторожней, друг, тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.

“Фирменной” экспедиционной песней долгое время (по крайней мере, до начала 70-х) была “Разлука” с текстом, который я за пределами экспедиции не встречал.

¹¹ Текст отличается от авторского текста Ю. М. Визбора; порядок куплетов от исполнения к исполнению варьировался.

¹² В интервью журналу “Аврора” в 1981 г. Ю. М. Визбор отмечал, что этот куплет дописан неизвестным ему соавтором, см.: Визбор Ю. М. Верю в семиструнную гитару. М., 1994, с. 405.

Разлука

Пропойте мне разлуку,
Мне милый изменил.
Не понял мою муку,
Другую навек полюбил.

Приходит ко мне милый,
Накручиват усы,
Сымает мягку шляпу,
Сам смотрит на с'гирям часы.

Смотри, смотри изменщик,
Смотри который час.
К сопернице счастливой
Идешь ты в последний раз.

Пойду, пойду в аптеку,
Куплю я кислоты.
Лишу тебя навеки
Небесной твоей красоты.

Сама же я с балкону
Вниз брошусь головой
И буду белой пеной
На пыльной лежать мостовой.

Ах, чья енто могилка
Травую поросла?
То Дунька, Ванькина милка
Любовью своей изошла.

В 70-е годы на эту же мелодию пелась другая песня — “Шестнадцать столовых ножей”, постепенно вытеснившая из репертуара традиционную “Разлуку”.

Шестнадцать столовых ножей

Прошло уж две недели,
Сказал миленок так:
“Неужто в самом деле
Рассчитываете на брак?”.

Маруська тут решила,
Что стала жизнь хужей,
И в грудь себе вонзила — втыкнула —
Шестнадцать столовых ножей.

Мотор колеса крутит,
В разлет летит Москва.
Маруська в институте
Сиклифасовскова.

К Маруське подбегают
Шестнадцать докторей,
И каждый врач вынает
Ей ножик из белых грудей.

Один остался ножик,
Один остался врач,
И вдруг со стола раздался
Марушкин жалобный плач:

“Не лапайте руками, нахалы,
Довольна я вполне.
Шестнадцатый ножик на память
Пушай остается во мне”.

Маруську в крематорий —
И сразу в печь суют.
В тоске и в страшном горе
Миленок ее тут как тут:¹³
“Ах, я ей жизнь испортил,
И виноват я сам.
Насыпьте пожалуйста, в портфель
Мне пеплу четыреста грамм”.

Ах, чья енто могилка
Травую поросла?
Маруська, Ванькина милка
Любовью своей изошла.

¹³ Вместо этого куплета одно время пели: “Маруську в крематорий / На трахторе
везли, / А ейный полюбовник / Со флагом шагал впереди”, но куплет как-то
“не прижился”.

Я знаю — город будет,
Я знаю — саду цвествь,
Когда такие люди, как Ванька с Маруськой,
В деревне нашей есть.

Дольше всего из песен начала 60-х в репертуаре экспедиционных посиделок продержалась “На станции нашей...” (на мелодию песни “Крутится, вертится шар голубой” из кинофильма “Юность Максима”¹⁴); с этой песней я вне Псковской экспедиции Эрмитажа не сталкивался. Правда, в 80-е годы она уже воспринимались как “древность” и в засто-лье 15 августа была традиционной “сольной партией начальника”.

На станции нашей...

На станции нашей перрон и вокзал.
На станции нашей любви я не знал.
На станции нашей туда и сюда
Проходят составы, идут поезда.

Однажды на станцию вечерней порой,
На станцию прибыл экспресс голубой,
И вот из вагона под номером пять
Транзитная барышня вышла гулять.

И с этого часа мой сон и покой
Куда-то умчал тот экспресс голубой.
И вижу я чудной сирени букет,
Белую кофточку, синий берет.

Где эта барышня, где мой покой,
Куда ты умчался экспресс голубой?
Никто не ответит где барышня та —
Ентая барышня инкогнита.

В начале 60-х на мелодии популярной “музыки на костях”¹⁵ пели также песни¹⁶ вроде “Песенки про Лумумбу”, которую я с тех пор больше нигде не слышал:

¹⁴ См.: Русский романс на рубеже веков. Сост.: В. Мордерер и М. Петровский. Киев, 1997, с. 299, № 388, примеч. на с. 358.

¹⁵ Самодельные грампластинки, сделанные на рентгеновской пленке.

¹⁶ Большинство текстов быстро забылись, в памяти остались только фрагменты:

Песенка про Лумумбу

Есть в Африке Конго,
Есть в Африке Конго,
Есть в Африке Конго такая страна.

Есть в Конго Катанга,
Есть в Конго Катанга,
Есть в Конго Катанга провинция.

Жил в Конго Лумумба,
Жил в Конго Лумумба,
В Катанге Лумумба, правителем был.

Но злобный Мобута,
Но злобный Мобута,
Но злобный Мобута Лумумбу убил.

Убили Лумумбу,
Убили Лумумбу,
Сожрали Лумумбу — осталась берцовая кость.

О хам-хам-хам-хам-хам, о шейк!
Где ты был? — В Конго был!
— Что ж ты Мобуту упустил!

Где-то в Тихом океане
Тонет баржа с чуваками.
Тонет баржа сорок дней,
Четыре фраера на ней.
 Зиганшин буги,
 Поплавский рок,
 Поплавский съел сырой сапог.

или:

Друзья, мой лоб блестит от бриолина,
На мне, друзья, свехатомный пиджак.
Ничего, что очень мало денег —
Пускай все говорят, что я чувак!
 А Ленинград во тьме,
 И над Невой повисли тучи,
 И по Броду как обычно я иду.
 Я иду, напевая “Мамба-чучу”,
 И резину в рот себе кладу.

С середины 60-х в песенный репертуар экспедиционных посиделок вошли “Ёксель-моксель”, “Я рязанский уроженец”, “Цилиндром на солнце сверкая”, “Я чешу, чешу ногу”, некоторые туристские песни (“Долой, долой туристов”, “Какао”), “Раз в московском кабачке сидели”, “По тундре, по железной дороге”, а также безымянные тогда “На материк”, “Пиратскую” и “Снег” Городницкого, “Домбайский вальс” Визбора. По-моему, тогда же в экспедиции появилась песенка “Он был кавалер-импозанто”, впрочем не уверен — может быть и раньше ¹⁷.

Он был кавалер-импозанто

Он был кавалер-импозанто,
Служил он в утиль сырьёрито,
Носил вместо галстука банто
И часто ходил к Степанидо.

Она была официанто
И красила губы кармино,
Все брови себе выщипанто,
Но все-же была уродино.

¹⁷ Возможно, песня была привезена в Псков в середине 50-х вместе с другими песнями Волго-Донской экспедиции 1949—1951 гг. Однако, текст, оставшийся в памяти с экспедиции 60-х годов, в деталях отличается от текста песни, звучавшей в Волго-Донской экспедиции (записано от Р. Ш. Левиной в 2000 г.):

Он был кавалер-импозанто,
Работал в утиль-сырьёрино,
Носил вместо галстука банто
И часто ходит к синьёрино.

Носила она перманенто
И делала маникюрино,
И, все ж, несмотря на все это,
Была она уродино.

А он говорил: “Обожанто,
Как тореодор из Толедо.
Устройте за счет ресторанто
Вы мне поскорее обедо”.

Когда же ее увольнянто,
Другую он стал обожанто,
И так говорил он соседо:
“Любовь — не любовь без обедо”.

Накрашена, но не умыто
Любила плясать фокстротито:
Шестнадцатым потом облито,
Топталась она как слонидо.

Шептал он: “Я вас обожанто,
Как тореодор из Толедо.
Нельзя ли мне было-б по бланто
Иметь две-три пары обедо?”

Она отвечала: “Я радо”.
С работы сбегала с ним рано.
И целых четыре декадо
Кормила его как кабано.

Когда же ее увольнянто,
Он высказал ей свое кредо:
“Я вас перестал обожанто —
Любовь не сладка без обедо”.

Во второй половине 60-х в экспедиции некоторое время пели
“Стеньку Разина” (переделка “Из-за острова на стрежень”: первоначально
она пелась на оригинальную мелодию, позднее, в конце 60-х — на
мелодию популярного тогда шлягера “Наш сосед”):

Стенька Разин

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывали расписные
Стеньки Разина челны.
На переднем Стенька Разин
С буржуазною княжной:
Свадьбу новую справляет
Сам веселый да хмельной.

Пап-пап, па-пара-па пап-пап...

Позади их слышен ропот:
“Позабыл рабочий класс,
Разлагается с княжною,
Отрывается от масс!”

Тут он критику услышал,
Надвигается гроза:
Алой кровью налилися
Атамановы глаза.

Пап-пап, па-пара-па пап-пап...

Мощным взмахом он хватает
Буржуазную княжну
И за борт ее бросает
В пролетарскую волну.
“Волга, Волга, мать родная,
Пролетарская река,
Ты прими, прими излишки
От меня, середняка”.

Пап-пап, па-пара-па пап-пап...

Но погибнуть в водной бездне
Не смогла краса-княжна —
Два осводовца ¹⁸ любезно
Достают ее со дна.
А к нему речмил ¹⁹ подъехал
И его оштрафовал
За бросание предметов
В государственный канал.

Пап-пап, па-пара-па пап-пап... ²⁰.

С конца 60-х в экспедиционный песенный репертуар прочно вошли авторские песни — некоторые песни Галича, Городницкого ²¹, Окуджавы, Высоцкого, Кукина, “Девушка из харчевни” и “Цыганка-молдаванка” ²² Матвеевой, “Ой-ё-ёй” Дулова, “Не гляди назад” Клячкина, “С песней шагом, шагом” Берковского, “Застольная” Генкина. Конечно, далеко не все

¹⁸ Освод — Общество спасения на водах.

¹⁹ Речмил — речная милиция.

²⁰ Последний куплет (“Дорогой товарищ Разин, / Посмотрите на пейзаж / Наши воды служат людям, / Так давайте же не будем / Их княжнами засорять”), не вписывающийся в ритм “Нашего соседа”, обычно не пелся.

²¹ Отчасти благодаря публикации текстов песен в воскресных номерах ленинградской газеты “Смена”.

²² По тексту, опубликованному в журнале “Юность”, но с мелодией, отличающейся от авторской.

из этих песен осознавались как *авторские* — большинство оставались для исполнителей и слушателей безымянными. Пели также “От Баку до Махачкалы” (сокращенный вариант стихотворения Бориса Корнилова “Качка на Каспийском море”²³), “Гренаду” Светлова, “День-ночь” (по Кипплингу). Тогда же в репертуаре вечерних посиделок появилась песня “Вот у этого серого здания”, которую я с тех пор больше не встречал²⁴.

Вот у этого серого здания

Вот у этого серого здания
Я впервые увидел тебя.
Ты даже не обратила внимания
И ушла, не взглянув на меня.

Хожу сам не свой, с больной головой,
Хожу и рыдаю ой-ё-ёй.
Ах, я не любим — она спит с другим —
И что же мне делать, боже мой?

А у него есть галстук и подтяжки,
И весь он выбрит, словно херувим.
А я в своей полосатой тельняшке
Ну ничто по сравнению с ним.

А я ему всю карточку попорчу,
Чтобы он из себя не воброял.
Захочу — совсем его прикончу,
У меня есть тот еще кинжал!

Поеду в Тамбов и сорок зубов
Из золота вставлю себе в пасть,
Куплю самовар, часы, портсигар.
Ну где-ж мне такому пропасть...

И вот у этого серого здания
Я по-новой увижу тебя.
И приползешь ты ко мне на свидание,
И меня поцалуешь в уста.

²³ Путешествие в страну Поэзия. Кн. 2, Л., 1968, с. 154—156.

²⁴ Эту песню в 1967 году привезла в экспедицию аспирант Эрмитажа Татьяна Полеховская. Сейчас Т. Б. Вилинбахова — кандидат искусствоведения, сотрудник Русского музея (СПб).

Были и собственно “археологические песни”. Так, В. Д. Белецкий, работавший в экспедиции Гроздилова с 1955 г., привез в Псков “саркельские песни”²⁵ (“На раскоп придешь...”²⁶, “Нам нечего больше те-

²⁵ В Псковской экспедиции Эрмитажа 60-х годов эти песни отчетливо соотносились с Волго-Донской экспедицией и в застолье звучали, чаще всего, в контексте рассказов В. Д. Белецкого об этой экспедиции и о ее участниках — М. И. Артамонове, О. И. Артамоновой-Полтавцевой (“тете Оле”), А. Л. Якобсоне и др. (см.: Белецкий С. В. Мой Артамонов // Университет в лицах: К 100-летию Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербургский Университет, № 27 (3494), с. 18—20). “Саркельские песни” — совершенно особое явление: это один из самых ранних циклов собственно археологических песен, появившийся в первые послевоенные годы, то есть тогда же, когда появились и первые песни Новгородской экспедиции (“Экстра”, “Товарищ Колчин”, “...Или совсем наоборот”, см.: Фольклор Новгородской археологической экспедиции. Новгород, 1992, с. 5—9). Хочется надеяться, что “саркельские песни” станут предметом специального внимания фольклористов.

²⁶ Из этой песни в Псковской экспедиции Эрмитажа пели только два куплета: “На раскоп придешь — костяки кругом, / Костяки — ничего не видать. / Поплюешь в кулак и начнешь копать — / Эх, профессия, кузькина мать! // А домой придешь — темнота кругом, / Темнота — ничего не видать. / Выпьешь чай пустой и скорее спать — / Эх, профессия, кузькина мать!”. Привожу текст песни, записанный от Р. Ш. Левиной в 2000 г.:

Привезли в Саркел и сгрузили там,
Повели на большой на курган.
И работали с утра до ночи.
Ах пошел, Якобсон, ты к чертям.

Трудовой денек начинается.
Шмотки грязные стал одевать.
И бегу. бегу я без завтрака
За машиною, так ее мать.

А в раскоп придешь — костяки кругом,
Костяки надо нам расчищать.
Поплюешь в кулак и начнешь копать,
Ах, начальничек, так твою мать.

А в барак придешь — темнота кругом,
Темнота, да и нечего жрать:
Каша жидкая, черпак маленький.
Ах, начальничек, так твою мать.

рять..."²⁷, "Скучно и грустно..."²⁸). Не позднее начала 60-х (а, скорее, в середине — конце 50-х) в экспедиции появилась песня "Вот сдадим все экзамены..." (на мелодию и с включением куплетов "Глобуса")²⁹, вос-

Якобсон придет — убеждать начнет,
Что вино запрещается брать.
Разве выполнишь приказание.
Ах, начальничек, так твою мать.

²⁷ В Псковской экспедиции Эрмитажа пелась в следующем виде:

Нам нечего больше, нам нечего больше,
Нам нечего больше терять.
Мы едем, мы едем, мы едем, мы едем
Могилку твою раскопать.

Мы камень отвалим, мы камень отвалим,
Чтоб легче нам было глядеть,
Как скоро, как скоро, как скоро, как скоро,
Как скоро сумел ты сопеть.

²⁸ Пелась на мелодию "Песенки часов" из кинофильма "Веселые ребята", последняя строка каждого куплета повторялась два раза:

Скучно и грустно в мире одному
Скучно и грустно сердцу моему,
Хочется плакать и хочется рыдать
И, ой-ё-ёй, не хочется экзамены сдавать.

Зачем нам учиться, коль мало так живем?
Зачем нам трудиться, коль все-равно помрем?
Запутаны дорожки в неведомую даль.
Тебе меня и мне тебя ни чуточки не жаль.
Черная стрелка обходит циферблат,
Быстро как белки колесики стучат,
Мчатся минутки, и смерть уж на носу,
И точит, точит, точит, точит острую косу.

Скоро увянет нашей жизни цвет.
Солнышко встанет, а нас с тобой уж нет.
Точка, могила, и крышка гроба — бряк.
И вот уж, вот уж, вот уж, вот уж ест тебя червяк.

Все! Съел! Чав-чав-чав!

²⁹ Кажется, ее привезла из Москвы Инга Голунова, прошедшая многолетнюю школу Новгородской экспедиции, а в Псков переехавшая в 1956 г. после

принимавшаяся как “гимн археологов” (№ 16). В качестве “археологической”, впрочем, осознавалось безымянное (братьев Генкиных?) “Мезозойское танго”. Поскольку певшийся тогда вариант отличается от варианта, зафиксированного Башариными (№ 11), воспроизвожу текст песни в том виде, в котором ее пели в Пскове во второй половине 60-х³⁰:

Мезозойское танго

Вспомни мезозойскую культуру:

У костра сидели мы с тобой,

Ты мою изодранную шкуру

Зашивала каменной иглой.

Я сидел, небритый и невытый,

Нечленораздельно напевал.

В этот день топор из диорита

Я на хобот мамонта сменял.

Жрать захочешь — придешь,

и в пещеру войдешь.

Хобот мамонта вместе сжуем.

Наши зубы остры,

Не погаснут костры,

Эту ночь проведем мы вдвоем.

В дымной сталактитовой пещере,

Где со стенок капала вода,

Анекдот времен архейской эры

Я тебе рассказывал тогда.

Ты иглой орудовала рьяно,

Не сводя с меня мохнатых век.

Ты была уже не обезьяна,

Но, увы, еще не человек.

Жрать захочешь...

Вспомни — наше первое свиданье

Было над извилистой рекой.

Слышалось ворчанье и урчанье:

Мы с тобою шли на водопой.

окончания кафедры археологии МГУ. Во всяком случае, песня всегда считалась в экспедиции “московской”. Сейчас И. К. Лабутина — кандидат исторических наук, профессор Псковского пединститута.

³⁰ Текст отличается и от опубликованного в сборнике песен МИФИ (Но мы еще не старики..., с. 72—73).

Ты сказала: “Вся в твоей я власти,
От любви, как от огня, горю!”
И в порыве тихой, нежной страсти
Откусила напрочь мне ноздрю.
Жрать захочешь...

Помнишь питекантропа ³¹ соседа,
И как ловко он тебя отбил
Тем, что ежедневно для обеда
Кости динозавра приносил.
Ты любила есть сырое мясо
И лакать бизонье молоко.
Ты меня ругала лоботрясом,
Если не принес я ничего.
Жрать захочешь...

До сих пор я часто вспоминаю
Темный вечер высоко в горах,
Где тебя сырую доедая,
Плакал я, от ревности горя.
И ночами снится мне недаром
Холодок базальтовой скалы,
Тронутые грязью и загаром
Ноги волосатые твои.
Жрать захочешь... ³².

Песни других экспедиций попадали в Псковскую экспедицию Эрми-тажа 60-х годов случайно — с приезжавшими гостями. Так, из Новгородской экспедиции в 1965 или 1966 году привезли на день археолога частушку “Мужички-то, мужички, / Что навозные жучки, / Роятся, ко-паются, / Чего найти пытаются” ³³); эти песни воспринимались как “чужие” и как-то не приживались. “Свои” песни появлялись эпизодиче-ски. Это были тексты, написанные на мелодии популярных советских песен, чаще всего — перетекстовки. Они писались “по-случаю”, испол-

³¹ В начале 80-х в экспедиции чаще пели “Петю Кантропа” — вариант, возник-ший не без влияния популярного тогда анекдота о “происхождении разных пород людей от обезьян разных пород” (Павиян/Макакян, Шимпанадзе, Гаврилла, Арон Гутанг и проч.).

³² Последний куплет (“В веке нашем нынешнем, двадцатом...”), хотя и был из-вестен, но воспринимался как “чужой” и традиционно не пелся.

³³ Фольклор Новгородской археологической экспедиции, с. 10.

нялись один-два раза и благополучно исчезали из репертуара. Приведу для примера песню, написанную на мелодию “Чибиса” для отгвальной 1969 года студенткой кафедры археологии ЛГУ Ольгой Струговой³⁴ и автором — не потому, что она чем-то лучше других, просто другие перетекстовки того времени уже прочно забылись:

Гимн отстающей бригады

На раскопе кто-то вновь нашел чего-то,
Алексеев³⁵ чистит свой костяк.
Есть у всех забота, вновь идет работа,
Лишь у нас, у нас не клеется никак.
Помню, тратя силы, чистили настилы,
Прыгали по древней мостовой.
Нас не понимали, нас же обругали,
И опять, опять работы никакой.

Тут нам дали Гену³⁶, он залез под стену,
Стал оттуда пули доставать³⁷.
У него работа, а у нас забота —
Как бы нам скорей за кофеем удрать.

Гена был новатор и организатор —
Он полы у церкви разносил.
Бил киркой со смыслом, дым шел коромыслом,
И у нас за ним угнаться нету сил.

³⁴ Сейчас О. Б. Стругова — кандидат исторических наук, сотрудник Российского исторического музея (Москва).

³⁵ Л. Н. Алексеев — сотрудник Внешторга, в 60-е годы неоднократно принимал участие в работах Псковской экспедиции Эрмитажа, приезжая на раскопки в отпуск. Помнится, однажды он приехал в экспедицию сразу после длительной командировки в Колумбию, в другой раз — после командировки в Грецию. Фраза Лени Алексеева “Как приятно опуститься на дно”, которой он на полном серьезе объяснял свои приезды в экспедицию, много лет была в экспедиции дежурной.

³⁶ Сейчас Г. Я. Мокеев — кандидат архитектуры, сотрудник Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

³⁷ В сезон 1969 г. экспедиция вела раскопки храмов № 8 и 9 в Довмонтовом городе Пскова. Г. Я. Мокееву было поручено вскрывать каменный пол в храме № 8, использованном в XVIII в. в качестве склада боеприпасов, так что основными находками стали многочисленные свинцовые пули.

Всем мы надоели, всем осточертели —
Бросили нас Греблю³⁸ расчищать.
Там назагорались, пыли наглотались
И опять пришли ударникам мешать.

Месяц мы копали, силы измотали:
Трудно целый месяц отдыхать.
Нам бы потрудиться, нам бы не лениться,
Но, увы, уже пора нам уезжать.

Песенный фольклор Псковской экспедиции 70-х и 80-х годов характеризовать значительно труднее, поскольку рубеж 60-х — 70-х годов был переломным в археологии Пскова. С 1969 г. в раскопки Пскова, до этого времени проводившиеся только экспедицией Эрмитажа, включилась вновь созданная экспедиция Псковского пединститута (нач. экспедиции И. К. Лабутина), так что практиканты и энтузиасты, приезжавшие в Псков для участия в раскопках, оказывались в составе разных экспедиций. А с середины 70-х годов, когда к охранным раскопкам³⁹ Пскова стали ежегодно подключаться новые экспедиции и отряды (так сказать “разовые”, создававшиеся, чаще всего, “под конкретный раскоп”), размежевание приобрело практически необратимый характер. И хотя застолья на 15 августа по традиции еще оставались общими, посиделки уже разделились, и быстро сформировались вполне самостоятельные песенные репертуары. Конечно, между наборами песен было много общего: это и какая-то часть “экспедиционной классики”, восходящей к экспедиции Гроздилова 50-х — начала 60-х годов, это и приблизительно одинаковый состав “бардовских песен”, попадавших в экспедицию вместе с приезжающими участниками раскопок. Но почти сразу в разных экспедициях, проводивших раскопки Пскова, начали появляться “свои” песни, состав которых в разных псковских экспедициях различался. Не последнюю роль сыграло и то, что комсостав “разовых экспедиций” приезжал в Псков со своим песенным репертуаром, истоки которого восходили к другим экспедициям — ладожской, новгородской, изборожской.

³⁸ Гребля — ров перед Персями (южной стеной Псковского кремля).

³⁹ Раскопки, проводившиеся на местах современного строительства и на средства застройщика. См.: Белецкий С. В., Лесман Ю. М. “Столичная” и “провинциальная” археология: перемены 70—90-х гг. // Археология Петербурга, № 1. СПб, 1996, с. 107—110; Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Охранные раскопки средневекового города: “плюсы” и “минусы” // Взаимодействие культур и цивилизаций: В честь юбилея В. М. Массона. СПб, 2000, с. 260—265.

Но был и еще один фактор, повлиявший на изменение песенного репертуара Псковской экспедиции Эрмитажа. Дело в том, что в 70-е годы в экспедиции практически ежегодно стали появляться участники, не только певшие, но и игравшие на гитаре. Именно “человек с гитарой” с этого времени превратился в центральную фигуру посиделок, и именно сольное пение гитариста начинало диктовать активный песенный репертуар. А так, как почти каждый год “человек с гитарой” менялся, менялся и репертуар. Правда, сохранялось некое ядро “старых песен”, певшихся традиционно без гитарного сопровождения, но это, в большинстве случаев, было уже только прелюдией к продолжению вечера “под гитару”. Из вновь появившихся в экспедиции в 70-е годы песен отмечу “Эту Петрову”, “Черт побери!” (№ 18), “Там, за Танаис-рекой” (№ 17)⁴⁰, “По звездам млечного пути” (№ 23), “Я потомок хана Мамаю” (№ 19), “Гимн шестидневной войны”, а также популярные в посиделках песни литературного цикла — “Ходит Гамлет с пистолетом”, “Венецианский мавр Отелло”, “В имении, в Ясной поляне” (№ 9), “Доктор Фауст” (пелась на мелодию песни Гражданской войны “Как родная меня мать провожала”). Последняя, кажется, в других экспедициях не была распространена:

Доктор Фауст

Что-то сильно загрустил доктор Фауст: — Эх!
“Мало лет на свете жить мне осталось (2 раза)

Надоело мне писать бюллетени, — Эх!
Захотелось любви, наслаждений” (2 раза)

Прилетел к нему тут черт-Мефистофель, — Эх!
Пригласил его на торт и на кофей. (2 раза).

“Свою душу мне в заклад заложит-ка, — Эх!
Сам живи и не тужи с Маргариткой” (2 раза)

Доктор Фауст молодым обернулся — Эх!
Папирсой “Беломор” затянулся. (2 раза)

На каучуке он купил полботинки, — Эх!
Маргаритке приобрел паутинки. (2 раза)

⁴⁰ В 70-е и начале 80-х гг. пелось 6—8 куплетов. С конца 80-х годов традиционным в экспедиции стало исполнение “полного” текста, записанного от Ю. М. Десятчикова — одного из авторов “Скифской баллады”.

Но однажды как-то раз в час полночный — Эх!
Возвратился ейный брат со сверхсрочной. (2 раза)

Приезжает Валентин — что ж он видит: — Эх!
Доктор Фауст и сестра в голом виде. (2 раза)

Вынимает Валентин свою шпагу — Эх!
И на доктора полез, на беднягу: (2 раза)

“Ты со мною не шути, старшиною, — Эх!
Хочешь жить, так распишись как с женою!” (2 раза)

Доктор Фауст отвечал: “Бога ради, — Эх!
Только паспорт мой у черта в закладе”. (2 раза)

Доктор-Фауста пример всем нагляден — Эх!
Не ходите, старики, вы по... девам. (2 раза)

Особым периодом в истории песенного репертуара Псковской экспедиции Эрмитажа стали середина и вторая половина 80-х годов, когда на протяжении ряда лет основной состав участников экспедиции был более или менее постоянным. Именно в эти годы в Псковской экспедиции сформировался сравнительно стабильный репертуар, исполнявшийся зачастую “а капелла” даже при наличии “человека с гитарой”. Песенный репертуар середины 80-х годов, к счастью, частично сохранился в плохой диктофонной записи, сделанной осенью 1985 г., правда — не в Пскове, а в Москве, во время “послеэкспедиционного сбора”⁴¹. Приведу список песен в том порядке, в котором они зафиксированы записью: “Моя натура хочет жить широко” (Ю. Ким); “Подколотная змея” (А. Быстрицкий); “Магдалина” (“Я танцую на ковре под звуки бубна”); “Мы сидели поздною вечерей”; “Французские поэты” (Ю. Лорес); “Майдан” (С. Никитин); “Бричмула” (С. Никитин); “У меня в Москве” (на стихи М. Цветаевой); “Донской монастырь” (А. Городницкий); “Если было это в сказке” (С. Никитин); “Там, за седьмой горою” (Б. Окуджава); “Подойди, обними и рассказывай” (С. Никитин); “Серенада, серенада раздается в тишине” (С. Никитин); “Как ваша светлость поживает” (В. Долина); “Мы с тобой давно уже не те” (Г. Аделунг); “Наш корабль давно уже на рейде”; “Портленд” (Б. Окуджава); “Аксинья” (Г. Сильчук); “Песенка обществоведа” (Ю. Ким); “Рио-рита” (С. Ники-

⁴¹ Хранится в архиве автора.

тин); “Расставаясь она говорила”; “Тихая песенка” (М. Анчаров)⁴²; “Кисанька”; “С песней шагом, шагом” (В. Берковский); “Мадагаскар” (Ю. Визбор); “Орел Шестого легиона”(№ 21)⁴³; “Пусть говорят, что мы неправильно живем” (№ 6); “Образованные просто одолели” (М. Ножкин); “Шуты” (М. Ножкин); “Не дай мне, Бог, познать твою измену”; “Маркизочка”; “Макао-Какао”; “Нам с сестренкой каюк” (В. Егоров); “Два привиденья” (А. Суханов); “Уезжаю в Ленинград” (А. Суханов); “Мастера” (С. Русаков); “Псков” (Е. Клячкин), “Менуэт”.

Разумеется, список не полон. Пели в тот вечер далеко не все экспедиционные песни, записывать на диктофон начали только в середине “застолья”, да к тому же кассета была единственная. Так, нет в записи ряда традиционных песен — “Крамбамбули”, “Султан”, “В скучные минуты бог создал институты”, “Шестнадцать столовых ножей”, “Мезозойское танго”, нет большинства песен, прочно вошедших в экспедиционный репертуар с 70-х годов. Не попала в запись “Магдала” Ю. Лореса. Нет и песен, появившихся в экспедиции после 1985 г. (“Как турецкая сабля твой стан”, “Про каховского раввина”, “Холостою жизнью я извелся”). Тем не менее, некоторое представление о песенном репертуаре Псковской экспедиции Эрмитажа середины 80-х годов запись дает.

Отмечу, что “фирменным” циклом песен середины и второй половины 80-х в экспедиции был т. н. “библейский цикл”, включавший “Магдалину”, “Магдалу” и “Мы сидели поздное вечерей”. Кажется, в других экспедициях Северо-Запада эти песни “не пошли”, во всяком случае, в Изборской экспедиции они не прижились, хотя и исполнялись неоднократно во время общих псковско-изборских застолий. Популярностью пользовались также “Кисанька” (пелась как подражание “жгучим романсам”)⁴⁴ и “Макао”. Последняя, как будто бы, широко по экспедициям не пошла. Воспроизвожу ее текст по записи 1985 г.

⁴² Авторское название “Песенка про психа из больницы имени Ганнушкина, который не отдавал санитарам свою пограничную фуражку” (Анчаров М. Звук шагов. М., 1992, с. 77—78). Под названием “Тихая песенка” и в сокращенном, по сравнению с авторским вариантом виде, эта песня устойчиво бытовала в экспедиции с конца 70-х до начала 90-х годов.

⁴³ “Орел Шестого легиона” появился в Псковской экспедиции Эрмитажа в 1984 г. и был привезен, кажется, из Ольвийской экспедиции. Песня просуществовала в экспедиции сравнительно недолго: после того, как в конце 80-х песня была однажды спета на мелодию “Вот кто-то с горочки спустился”, она практически исчезла из песенного репертуара.

⁴⁴ В экспедицию эту песню, как и многие песни, попавшие в запись 1985 г., привезли из Москвы сестры Ольга и Светлана Волошины — постоянные участ-

Макао

В Макао какао стаканами пьют,
По скалам шакалы как кошки спуют.
Лишь белое тело лежит на камнях —
Убили, убили, убили меня.

А-а-а...

Мне жалко туземцев — они голодны,
Но в спешке не сняли, мерзавцы, штаны.
Испортится блюдо, как в дождь головня —
Испортят, испортят, испортят меня.

А-а-а...

Огромными каплями капает жир,
Наверно, неплохо я все-таки жил.
И вот уже вождь их слезает с коня —
Вкушает, вкушает, вкушает меня.

А-а-а...

И вот уже мне в пятку вонзилось копьё.
Я рад, что им нравится мясо мое.
Друг друга подальше от пищи гоня,
Сожрали, сожрали, сожрали меня.

А-а-а...

В Макао какао стаканами пьют.
По скалам шакалы⁴⁵ как кошки спуют.
И стар здесь, и мал здесь и наг здесь, и гол,
Но где же, но где же советский посол.

А-а-а...

Гуманным он был человеком, друзья,
Но с негром иначе, представьте, нельзя.

ники Псковской экспедиции Эрмитажа в 80-е годы. Именно в том виде, в каком “Кисанька” пелась в экспедиции и именно в их исполнении песня вошла в магнитоальбом “В кейптаунском порту” (“Московские окна”, 1996). В настоящее время О. И. Волошина и С. И. Волошина — учителя истории в средних школах г. Москвы.

⁴⁵ Позднее чаще пели “По скалам *туземцы* как кошки спуют”.

Однажды на море пошел и пропал.
Газеты писали — виновен шакал!
А-а-а...

Традиция перетекстовок “к случаю” также сохранялась. Приведу в качестве примера текст песни, написанной в 1984 г. Леной Свядковской⁴⁶ и Таней Путиловой⁴⁷ на основе популярной в те годы в экспедиции “Жены французского посла” А. Городничского:

На раскопе бабы, только бабы

Нам не Гагры снятся и не Сочи,
Не столицы мира, не Москва.
Вот в Мирожке, братцы, это очень
Хорошо, к тому же дома два⁴⁸.
Ох, не слабо, братцы, ох, не слабо:
Стук кирки, стучание сердец.
На раскопе бабы, только бабы,
И Василий Дмитрич — наш отец.

Ничего уже не понимаю:
Кроме “линзы”⁴⁹ нету ни фига!
Я ее который день долбаю,
На нее встаю как на врага.
Ох, не слабо, братцы, ох, не слабо
Докопаться до материка.
Но в раскопе бабы, только бабы,
Правда, есть Аркаша⁵⁰ и кирка.

⁴⁶ Е. В. Свядковская — в середине и второй половине 80-х годов постоянный участник Псковской экспедиции Эрмитажа (ныне проживает в Канаде).

⁴⁷ Т. Б. Путилова — в середине и второй половине 80-х годов постоянный участник Псковской экспедиции Эрмитажа, в настоящее время — преподаватель Санкт-Петербургского университета.

⁴⁸ В 1984 г. Псковская экспедиция Эрмитажа занимала несколько комнат в двух деревянных домах на территории Спасо-Мирожского монастыря: в одном здании жило “начальство”, в другом — “кадры”, что позволяло “кадрам” засиживаться допозна.

⁴⁹ “Линза” — мощный (толщиной более метра) слой строительного мусора, образовавшийся в Псковском кремле при перестройке Троицкого собора в конце XVII в.

⁵⁰ А. В. Усмапов — многолетний участник Псковской экспедиции Эрмитажа, впервые принявший участие в раскопках еще школьником в начале 70-х го-

Несмотря на эти огорченья
Неприменно я вернусь сюда.
Здесь мои восторги и мучения,
И нигде так не сладка еда.

Ох, не слабо, братцы, ох не слабо
Плону я на все свои дела.
Хоть в раскопе бабы, только бабы
Всю мне душу Псковщина взяла.

Последние сезоны существования Псковской экспедиции Эрмитажа ⁵¹ (1991—1992 гг.) в отношении песенного репертуара стали переломными: в начале 90-х практически полностью сменился состав постоянных участников экспедиции, и, соответственно, многие песни ушли; сохранилась только “экспедиционная классика”. Песенный фольклор последних лет существования Псковской экспедиции Эрмитажа в полевых условиях фиксировался А. С. Башариным, он же стал в экспедиции этих лет “человеком с гитарой”.

Песни Изборской экспедиции конца 70-х

Говорить обо всех песнях Изборской экспедиции ⁵² ИА АН СССР (теперь — РАН) за почти четверть века ее существования было бы рискованно: я принимал участие в работах этой экспедиции с 1973 по 1980 г., а постоянно приезжал “в гости” из Пскова с 1981 по 1985 г., так что могу судить, прежде всего, о песнях, певшихся именно в эти годы.

Изборская экспедиция середины 70-х годов по составу певшихся песен заметно отличается экспедиции конца 70-х — начала 80-х, и это легко объясняется различиями состава участников. В середине 70-х основная часть сотрудников экспедиции — и землекопов, и лаборантов — состояла из студентов-практикантов Ивановского Государственного университета, причем каждый год состав практикантов менялся. Основным песенным репертуаром в изборских застольях того времени были некоторые песни

дов; в настоящее время — доктор физико-математических наук, преподаватель Санкт-Петербургского университета.

⁵¹ В 1991—1992 гг. был проведен интереснейший раскоп в Псковском кремле, и это был последний раскоп, исследованный Псковской археологической экспедицией Эрмитажа: с 1993 г., в связи с болезнью В. Д. Белецкого, экспедиция прекратила свое существование.

⁵² Изборская экспедиция ИА АН СССР создана доктором исторических наук Валентином Васильевичем Седовым в 1971 г. и просуществовала до середины 90-х годов.

Высоцкого и “блатные” песни с кассет Аркадия Северного. В ходу были разнообразные “кричалки” типа пионерских речевок 60-х годов⁵³, популярные советские песни и песни из мультфильмов, некоторые из которых дописывались⁵⁴.

Ситуация изменилась в 1977—1978 гг., когда основу лаборантского состава Изборской экспедиции составили профессиональные и полупрофессиональные археологи — студенты и аспиранты начальника экспедиции, а также сотрудники Псковского музея-заповедника и Отдела археологических сводов ИА АН СССР, который в те годы возглавлял В. В. Седов. Большинство лаборантов Изборской экспедиции в эти годы уже имели за плечами десяток и более полевых сезонов в разных экспедициях (Новгородской, Псковской, Верхне-Волжской и др.). Именно поэтому основу песенного репертуара экспедиции теперь составили “Крамбамбули”, “Через тумбу”, “По рюмочке, по маленькой”, “Султан”, “В скучные минуты Бог создал институты”, “Эта Петрова”, “Черт поберей!”, “Там, за Танаис-рекой”⁵⁵, “Орел Шестого легиона”, “Я потомок

⁵³ Помню из них только “Песенку про овечку”:

Протекает речка,
Через речку мост.
На мосту овечка —
У овечки хвост.

Эх! Раз, два, три, четыре,
Пять, шесть, семь,
Семь, шесть, пять, четыре,
Три, два, один.

Пересохла речка,
Обвалился мост,
Умерла овечка —
Оторвали хвост.

Эх! Раз, два, три, четыре...

⁵⁴ В 1994 году именно в Изборской экспедиции появился дополнительный куплет “Песенки крокодила Гены”: “Пусть не хмурятся тучи, и появится лучик, / Если мы с Чебурашкой вдвоем, / По дорожке шагая, на гармошке играя, / Эту песенку вам пропоем”. Вообще, для Изборской экспедиции тех лет было характерно именно “дописывание”. В частности, к привезенной автором в Изборск в 1975 г. песне “На раскоп придешь” был почти сразу же дописан куплет: “А раскоп кончать — чертежи сдавать, / В чертежах ничего не понять, / Поплюешь в кулак и начнешь подгонять, / Эх, профессия... Черт поберей!”

⁵⁵ Пелось не более 6—8 куплетов.

хана Мамая” и “По звездам млечного пути”. Пелись также “Таганка”, “Они стояли на корабле у борта”, “По тундре”, некоторые песни бардов.

Большинство песен было для “комсостава” исходно общими, но нет-нет — и появлялись в экспедиции некоторые новые песни, такие, как “Опадает лист орешника” В. Вихорева, “За удачу, господа мужики”⁵⁶, “Аккордеон”. Кажется, все три перечисленные песни привез в Изборск Володя Кананин⁵⁷ — аспирант В. В. Седова.

Аккордеон

Как по матери-реке шел пароход — пароход,
Из трубы валил оранжевый дымок — да, дымок,
А на палубе стоял капитан,
И в руках его сверкал стальной наган.
 Стальной наган, стальной наган.
 И в руках его сверкал стальной наган.

А навстречу ему шел большой баркас — да, баркас
Под загадочным названьем “Рыбий глаз” — “Рыбий глаз”,
А на палубе стоял гад-шпион,
И в руках его сверкал аккордеон,
 Аккордеон, аккордеон.
 И в руках его сверкал аккордеон.

В полночь что-то с шумом плюхнулось за борт — да, за борт,
И раздался вдруг фальшивый септ-аккорд — септ-аккорд.
Это гадина паршивая, шпион
Бросил за борт свой большой аккордеон,

⁵⁶ Из песни “За удачу, господа мужики” помню только начало:

Прокричали у реки кулики.
За удачу, господа мужики!
Нам пора бы было выпить давно,
Да глаза уж не глядят на вино.

А глядят у нас глаза за окно,
Где роса уж серебрится давно,
Где кричали у реки кулики.
За удачу, господа мужики!

⁵⁷ Сейчас В. А. Кананин — кандидат исторических наук, профессор Удмуртского Государственного университета.

Аккордеон, аккордеон.
Бросил за борт свой большой аккордеон.

Капитан наш тоже не промах — не промах,
Метко он прицелился впотьмах — да, впотьмах,
Выстрел, вспышка, дым, а потом
Разлетелся на куски аккордеон,
Аккордеон, аккордеон.
Разлетелся на куски аккордеон.

Закружилось, завертелось все потом — да, потом,
Оказалась вся контора за бортом — за бортом.
Так закончилась история о том,
Как в последний раз сыграл аккордеон,
Аккордеон, аккордеон.
Как в последний раз сыграл аккордеон.

Наряду с перечисленными, в изборских застольях звучали и собственно “археологические” песни — классика Новгородской экспедиции (“Экстра”⁵⁸, “Товарищ Колчин”⁵⁹), песня Смоленской экспедиции “Крутится, вертится крест золотой”⁶⁰, “Мезозойская культура”, “Ландыши”⁶¹, “Песня про Ларошфуко”, “Что те надо”. Одной из наиболее популярных в экспедиции на протяжении ряда лет оставалась песня “По всей дярвене нет красивше парня”; она исполнялась как диалог между мужским и женским хором, а две последние строки последнего куплета пели все вместе:

По всей дярвене нет красивше парня

По всей дярвене нет красивше парня —
Из мужиков остался один я.
Люблю я Маньку, ах она каналья,
Ее одну, тапереч навсегда!

⁵⁸ Фольклор Новгородской археологической экспедиции, с. 5—6.

⁵⁹ Фольклор Новгородской археологической экспедиции, с. 6—7.

⁶⁰ Привезена из Новгородской экспедиции, см.: Фольклор Новгородской археологической экспедиции, с. 13—14.

⁶¹ После того, как в 1977 году от брошенного окурка загорелась стопка чистых вкладышей для спальных мешков, вместо рефрена “Это ландыши все виноваты” часто пели “Это вкладыши все виноваты”. В Новгородской экспедиции припев после последнего куплета в конце 70-х заканчивался обычно так: “...Хорошо их дарить неженатым / На закате профессорских лет”, причем последнюю строку соло исполнял начальник экспедиции, профессор В. Л. Янин.

А что ж ты брёшешь, окаянный малый,
Кадысь, кадысь, я видела вчерась,
Как ты с Матрешкой нашей цаловалси,
А на меня глядел оборотьясь.

А ну-ка дёвки, соберемся в кучку
И пересудим все судом своим.
И зададим ему такую вздрючку,
Чтобы голов он наших не мутил.
Простите, дёвки, я боле не буду
Обманывать вас боле никогда.
Люблю я Маньку, ах она... зануда,
Ее одну, тапереч навсегда!

Тады и я к тебе переменяюся,
Кады Матрёшку бросишь цаловать.
И будем мы встречаться на конюшне,
И буду я вихры твои часать / И будешь ты вихры мои часать.

Традиции перетекстовок и подтекстовок в экспедиции тех лет не было, зато некоторые песни осознанно персонифицировались и “в застольях” адресовались конкретным участникам экспедиции, находившимся за тем же столом ⁶² (так, песня “Таня, Танюша” в 1978—1982 гг. была адресована участнице экспедиции тех лет Татьяне Москвиной ⁶³).

“Фирменными” песнями Изборской экспедиции конца 70-х и начала 80-х годов были “Коричневая пуговка” и “Курочка”. Обе песни пелись “а капелла”. Но если “Курочка” на протяжении многих лет сохранялась почти неизменной, то “Коричневая пуговка” продержалась только до начала 80-х годов, когда на ее основе ⁶⁴ появилась перетекстовка “Пуговка”:

⁶² Вероятно, традиция персонифицировать песни пришла в Изборск из Новгородской экспедиции, для которой подобные персонификации были, по крайней мере в конце 70-х годов, весьма характерны.

⁶³ Тогда — студентка Ивановского университета. В настоящее время Т. В. Москвина работает журналистом в Иваново.

⁶⁴ Текст, певшийся в экспедиции и послуживший основой для перетекстовки, отличается от опубликованного текста (ср.: В нашу гавань..., с. 48), поэтому считаю уместным привести его полностью:

Коричневая пуговка валялась на дороге,
Никто не замечал ее в коричневой пыли —
Вдруг мимо по дороге прошли босые ноги,
Босые, загорелые протопали, прошли.

Пуговка

Коричневая пуговка валялась на раскопе,
Никто не замечал ее в коричневой пыли —
Вдруг мимо по раскопу прошли босые ноги,
Босые, загорелые протопали, прошли.

Ребята шли гурьбою, на базу шли обедать,
Петюня ⁶⁵ шел последним и больше всех пылил.
Случайно иль нарочно — никто не знает точно —
На пуговку Петюня ногою наступил.

Ребята шли гурьбою, шли в поле по цветочки,
Алешка шел последним и больше всех пылил.
Случайно иль нарочно — никто не знает точно —
На пуговку Алешка ногою наступил.

Он поднял эту пуговку и взял ее с собою,
И вдруг увидел буквы нерусские на ней.
К начальнику заставы бегут, бегут ребята,
К начальнику заставы скорей, скорей, скорей.

“Рассказывайте точно, — сказал начальник строго
И карту перед ними зеленую раскрыл, —
В каком-таком квадрате и на какой дороге
На пуговку Алешка ногою наступил”.

Четыре дня скакали бойцы по всем дорогам,
Четыре дня искали, забыв покой и сон.
На пятый повстречали седого незнакомца.
Сурово оглядели его со всех сторон.

А пуговики-то нету у заднего кармана,
И не по русски сшиты зеленые штаны,
А в глубине кармана патроны от нагана
И карта укреплений советской стороны.

Вот так шпион был пойман на западной границе.
Никто на нашу землю не ступит, не пройдет!
В Алешкиной коллекции та пуговка хранится:
За маленькую пуговку ему большой почет.

⁶⁵ П. Г. Гайдуков — тогда лаборант ИА АН СССР, многолетний участник Изборской экспедиции, в настоящее время — доктор исторических наук, сотрудник ИА РАН, зам. нач. Новгородской археологической экспедиции.

Он поднял эту пуговку, и взял ее с собою,
И вдруг увидел буквы нерусские на ней.
К начальнику раскопа бегут, бегут ребята,
К начальнику раскопа скорей, скорей, скорей.

“Рассказывайте точно, — сказал начальник строго
И карту перед ними трехверстную ⁶⁶ раскрыл, —
В каком-таком квадрате и на каком раскопе
На пуговку Петюня ногою наступил”.

Четыре дня мотался Михалыч ⁶⁷ по Изборску,
Четыре дня искал он, забыв покой и сон.
На пятый повстречал он Седова Валентина.
Сурово оглядел он его со всех сторон.

А пуговики-то нету у заднего кармана,
И не по русски сшиты зеленые штаны,
А в глубине кармана план длинного кургана ⁶⁸
И карта укреплений Изборской стороны.

Вот так Седов был пойман на западной границе ⁶⁹.
Никто на нашу землю не ступит, не пройдет!
В Любашиной ⁷⁰ коллекции та пуговка хранится.
Петюне же за пуговку всегда большой почет.

⁶⁶ Имеются ввиду карты Генерального штаба начала XX в. масштаба «в 1 английском дюйме 3 версты»; по таким картам в 70-е и 80-е годы сотрудники Отдела археологических сводов ИА АН СССР, участвовавшие в работах Изборской экспедиции, проводили археологические разведки.

⁶⁷ В. М. Ивлиев — в начале 80-х годов шофер Изборской экспедиции.

⁶⁸ В. В. Седов является одним из ведущих специалистов в изучении т. н. “культуры длинных курганов” (см.: Седов В. В. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. Е1-8, М., 1974).

⁶⁹ В эпоху средневековья город Изборск был крепостью на границе Русского государства и Ливонского ордена.

⁷⁰ Л. Е. Сергеева — многолетний участник Изборской экспедиции, создавшая археологические фонды Изборского музея. В настоящее время Л. Е. Грушина — сотрудник Псковского музея-заповедника.

Курочка

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы курочку.
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает.

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы уточку.
А уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает.

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы индюшонка.
Индюшонок курлы-курлы,
Уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает.

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы поросенка.
Поросенок хрюки-хрюки,
Индюшонок курлы курлы,
Уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает.

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы коровенка.
Коровенок муки-муки,

Поросенок хрюки-хрюки,
Индюшонок курлы курлы,
Уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает.

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы ребятенка.
Ребяенок вяки-вяки,
Коровенок муки-муки,
Поросенок хрюки-хрюки,
Индюшонок курлы курлы,
Уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает ⁷¹.

⁷¹ Позднее, уже в начале 80-х появились куплеты:

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы холодильник.
Холодильник дрыки-дрыки,
Ребяенок вяки-вяки,
Коровенок муки-муки,
Поросенок хрюки-хрюки,
Индюшонок курлы курлы,
Уточка в носу плоска,
А курочка по сенечкам похаживает.
 Ай да люли, ай да люли
 А курочка по сенечкам похаживает

Поедем, любимая, в деревню жить!
Поедем, раскудрявая, свой домик заводить!
Заведем, любимая, мы телевизор.
Телевизор: "Время — Время",
Холодильник дрыки-дрыки,
Ребяенок вяки-вяки,
Коровенок муки-муки,
Поросенок хрюки-хрюки,

Еще одной песней, чрезвычайно популярной в Изборской экспедиции конца 70-х, была “Дай на маленькую”, певшаяся не только во время застолий, но и на обычных (“без возлияния”) посиделках. Привожу эту песню в том виде, в котором она пелась в начале 80-х годов, поскольку в записи, зафиксированной Башариными по песеннику середины 90-х годов (№ 7), текст заметно отличается.

Дай на маленькую

Заалет восток.

Магазин недалек. (В магазин путь далек).

Пойдем в магазин —

На троих сообразим.

Дай на маленькую,

Дай на маленькую,

На большую не прошу —

Дай на маленькую!

Мы не бары, мы не паны —

Не нужны нам рестораны:

В подворотню скоком-скоком

И запьем томатным соком

Дай на маленькую...

Сердце ёк-ёк-ёк —

Впереди пивной ларек,

А за ним, за углом —

Наш любимый гастроном

Дай на маленькую...

У тебя рублевка есть,

У меня рублевка есть,

Нам еще б одну рублевку —

Мы б купили поллитровку.

Дай на маленькую...

Индишпонок курлы курлы.

Уточка в носу шлопка.

А курочка по сеничкам похаживает.

Ай да люли, ай да люли

А курочка по сеничкам похаживает.

У тебя троячок,
У меня троячок,
Нам ещё бы троячок
На лимон и коньячок.
 Дай на маленькую...

У тебя пять рублей,
У меня пять рублей,
Нам ещё бы пять рублей —
Жить бы стало веселей.
 Дай на маленькую...

У тебя червончик есть,
У меня червончик есть,
Нам еще б одну десятку —
Мы пустились бы в присядку.
 Дай на маленькую...

У тебя сто рублей,
У меня сто рублей,
Нам еще бы сто рублей,
Чтоб нажраться до соплей.
 Дай на маленькую...

У тебя тышенки три,
У меня тышенки три,
Нам еще бы тыщи три —
Мы б пропили Жигули ⁷².
 Дай на маленькую...

У тебя миллион,
У меня миллион,
Нам ещё бы миллион —
Мы б пропили стадион ⁷³.
 Дай на маленькую...

⁷² Кажется, куплет появился после подорожания автомашин “Жигули”.

⁷³ Куплет, появившийся в 1980 г. — в год московской олимпиады.

Мы не будем больше пить —
Будем денежки копить,
А накопим рублей пять —
Набодаемся опять.
 Дай на маленькую...

В вытрезвитель мы попали,
По червонцу с нас содрали,
А я плачу и пою:
“Дай на маленькую!”
 Дай на маленькую...

У тебя копейки нет,
У меня копейки нет,
Нам найти б одну копейку —
Мы б купили коробок.
 Дай на маленькую...

К середине 80-х годов песенный репертуар Изборской экспедиции начал, как будто бы, претерпевать изменения: из застолий постепенно уходили многие песни, певшиеся в конце 70-х — начале 80-х, причем не только “студенческая классика” (“Через тумбу”, “По рюмочке, по маленькой”) и некоторые “археологические песни” (“По звездам млечного пути”), но даже песни “фирменные” (“Курочка”, “Пуговка”). Однако в эти годы я уже бывал в Изборской экспедиции редко и нерегулярно, поэтому наблюдения не вполне репрезентативны.

СКИФСКАЯ БАЛЛАДА¹

За Танаисом рекой
Скифы пьют-гуляют.
Потерял эллины покой —
Скифы пьют-гуляют.

Царь Атей отдал приказ
Утопить их в море,
И сколоты в тот же час
Собралися в поле.

Акинаков перезвон
Слышен в скифском стане,
И марают свой хитон
Греки- боспоряне

Скоро скифы-степняки
Разлегутся роєм,
И насытятся клинки
Греческою кровью.

Под копытами коня
Вьется пыль степная.
Льется песня степняка,
Песня удалая.

Я люблю кровавый бой
И врага вкус крови.
Скифской лавы дикий вой
Лучше всех мелодий.

Пряный запах чабреца,
Горький вкус полыни,
Укрощенье жеребца
На степной равнине.

Даль степная широка ---
Все Причерноморье.
Повстречаю грека я
Во широком поле.

Акинаком рубану
По спесивой роже,
А потом коня возьму ---
Конь всего дороже.

Голову б его отдал
Я царю Атею,
И из рук царя бокал
Выпил б за трофею.

Кровью эллина смочу
Древний меч Ареса
И двуконный поскачу
К стенам Херсонеса.

Херсонеса кулаки
Все сидят по клерам,
Поставляют пауки
Книдскую мадеру.

Лихо въеду в Херсонес,
Там продам гнедого,
А потом в кабак б залез
Выпил б там хмельного.

Пил б хмельное не спеша,
Устали не зная,
Чтобы слилася душа
С боженькой Папаем.

¹ Публикуемый текст записан С. В. Белецким под диктовку Ю. М. Десятчикова, а впоследствии был выверен Ю. М. по машинописи.

Выпил б книдского вина
Не смешав с водою,
И гулял бы до темна
С гетерой молодую.

Пока зори не взошли
Возвращусь в кочевья.
Накурюсь я конопли
До умопомраченья.

Утром баню истоплю,
Выбью дух пиндосов
И от кайфа завоплю
Как Сократ-философ.

Жизнь скелота коротка —
Все пиры да битвы.
Была бы чаша глубока,
Да мечи как бритвы.

Мой товарищ, акинак, акинак,
Конь да лук с колчаном,
Пропадешь ты как дурак,
Коль не будешь пьяным.

Пьяных боги берегут —
Истина святая.
Видно боги с нами пьют,
Только мы не знаем.

Жизнь — с деньгами кошелек:
Трать, не знай раскаянья,
И лети как мотылек
На огонь желанья.

Пей, гуляй, пока живешь
И резвись до пьяна —
Все равно конец найдешь
Во степном бурьяне

Даль степная широка —
Без конца и края,
Льется песня степняка,
Льется, затихая...

Послесловие

Завершен трехлетний цикл археологических исследований, проводившихся Псковской областной экспедицией ИИМК РАН на территории Государственного Пушкинского заповедника в 1998—2000 гг. В этих исследованиях принимали участие студенты-практиканты кафедры музееведения Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств, а также учащиеся Академической гимназии Санкт-Петербургского Государственного университета. Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить от лица всех участников работ Дирекцию федеральной целевой программы “Интеграция”, на средства которой (в рамках трехлетнего проекта К-0389 “Далекое прошлое Пушкинского уголка”) проводились археологические исследования в Пушкинских горах, включавшие полевую археологическую практику студентов-музееведов СПбГУКИ, а также были изданы шесть выпусков пособия “Далекое прошлое Пушкингорья” и первый выпуск в серии пособий “Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада” (СПб, 2000). Особая признательность Администрации и сотрудникам Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина “Михайловское”, без постоянной поддержки которых нам вряд ли удалось бы выполнить даже малую часть задуманного.

Начальник Псковской областной
экспедиции ИИМК РАН
доктор исторических наук,
профессор СПбГУКИ
Сергей БЕЛЕЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Г. Н. ВАСИЛЕВИЧ	
У костра на Белогуле	13
ПЕСНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ	
1. Крамбамбули	16
2. По рюмочке, по маленькой / По рюмочке, по чарочке.....	18
3. Там, где Крюков кинал / От зари до зари.....	20
4. Султан.....	22
5. В скучные минуты Бог создал институты.....	23
6. Нам говорят, что мы неправильно живем	24
7. Дай на маленькую	25
8. В пещере каменной	27
9. В имени, в "Ясной поляне"	28
10. Анна Каренина.....	30
11. Мезозойская культура.....	32
12. Про два монастыря.....	34
13. Искусствовед	35
14. Фуозияма.....	36
15. Солнце встает над рекой Хуанхэ	39
16. "Гимн археологов".....	43
17. Там, за Танаис рекой... / Скифы / Скифская баллада.....	44
18. Черт побори!.....	48
19. Я потомок хана Мамаю.....	50
20. Поле Куликово	52
21. Орел шестого легиона / Пусть я погиб у Ахерона	53
22. По речке по Каспле / Гимн оголтелого норманизма.....	55
23. По звездам млечного пути.....	57
24. Ледовое побоище / Ахтунг, о-ё-ёй.....	58
25. С одесского архсъезда / Баллада о Фармаковском	59
26. Тилибомчик	61
27. Гимн Мирмекистов.....	62
М. В. ВЕЩИГ	
Песенный репертуар археологических экспедиций	64
А. С. БАШАРИН	
Песенный фольклор археологических экспедиций.....	71
С. В. БЕЛЕНЦКИЙ	
Заметки к истории песен в археологических экспедициях	80
ПРИЛОЖЕНИЕ	
СКИФСКАЯ БАЛЛАДА	116
Послесловие	118

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет
МИФИ	— Московский инженерно-физический институт
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ	— Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
СПбФ	— Санкт-Петербургский филиал
ФЦП	— Федеральная целевая программа

Подписано в печать 26.09.2000.

Бумага офсетная. Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 6. Уч. изд. л. 7.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Петербургкомстата.

197376. С.-Петербург, ул. Профессора Попова, 39

Тираж 400 экз. Заказ № 358.